

ВЯЧЕСЛАВ КУМИН

Боевой фильм

ЛОТЕРЕЯ

Вячеслав Кумин

Лотерея

Серия «Колонисты», книга 1

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6604122
Лотерея: Лениздат; Санкт-Петербург; 2014
ISBN 978-5-516-00182-6

Аннотация

Давно прошли те времена, когда люди сами стремились к звездам, чтобы заселить иные неизвестные миры. Теперь их приходится высылать с перенаселенной Земли почти насильственно, методом случайного выбора, или «Лотереи». Потенциальные колонисты всеми силами противятся этому, держатся за Землю, уходя в грязь подземелья городов, становясь «крысами».

Стал «крысой» и Эрик Махов. Он тоже не хотел улетать в страшный и холодный космос, чтобы с большой долей вероятности погибнуть либо еще в пути, либо уже в колонии от эпидемий...

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	11
3	17
4	25
5	34
6	38
7	42
8	47
9	54
10	61
11	68
12	79
13	85
14	91
15	98
16	108
17	114
18	121
19	127
20	131
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Вячеслав Кумин

Лотерея

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Часть первая

Лотерея

1

Эрик Махов проснулся, как и положено после длительной попойки, с чудовищной головной болью. Она пульсировала в висках, будто там стучали огромным молотом, и каждый удар, раскалывающий череп на части, как бы говорил: надо срочно найти работу, иначе тебе конец, рано или поздно!!!

А тут еще этот будильник, будь он неладен, трезвонит с надрывом, точно пожарная сирена, усиливая и без того поганое состояние похмелья и обреченности.

Махов с трудом разлепил глаза, со стоном тяжелораненого перевернулся на другой бок, нашарил рукой на тумбочке часы и излишне сильным ударом по кнопке выключил этот противный писклявый звонок.

Повод для вчерашнего загула имелся самый что ни на есть серьезный, как говорится законный, так что обвинять Эрика в пьянстве не стоило.

Накануне ему исполнилось двадцать пять лет. Отягчающим моментом пьянки явилось то обстоятельство, что глобальная система включила его имя в список так называемой

«Черной лотереи». Как видно из названия, выиграть в эту поистине дьявольскую лотерею никто желанием не горел.

В итоге день рождения, этот светлый праздник детства, скорее напоминал похороны, и тосты звучали соответствующие. Хотя, если уж на то пошло, большую часть времени пили молча.

Работа отсутствовала, даже самая ничтожная, грязная и непрестижная. В таких случаях любой рад будешь. И возможностей ее получить становилось все меньше, что неудивительно, ведь человек заведомо слабое звено на любом производстве, и где только можно его заменяли более быстродействующие и точные роботизированные системы. Роль человека постепенно сводилась к обслуживанию и ремонту машин.

Осознание этого обрывало что-то внутри так, что в груди ощущалась давящая пустота, подкашивались ноги. Все симптомы страха. Эрик действительно, до спазмов в животе, до перебоя в работе сердца и наконец в дыхании боялся получить «выигрыш».

Хотя еще не так давно он мог похвастаться наличием работы, держал голову высоко, а плечи широко. Махову сразу после окончания учебы сильно подфартило, и он по знакомству и за очень большой процент отката от зарплаты устроился официантом в один из многочисленных баров. Работа грязная и не ахти какая прибыльная, особенно учитывая все тот же пятидесятипроцентный откат хозяину заведения.

Приходилось еще мыть посуду, поскольку автоматическая система с завидной регулярностью ломалась от старости. Но это было все же лучше, чем ничего, и позволяло чувствовать себя относительно уверенно, не думая о «Лотерее» и о ее жестоких выигрышах.

Но его уволили.

– Ничего личного, парень, – сказал ему тогда хозяин забегаловки.

– Не увольняйте меня, мистер Геваро! – завопил в ответ Эрик Махов. – Не надо, прошу вас!

Эрик даже чуть было не упал на колени из-за того, что ноги подкосились, но все же устоял.

– Прошу вас, сэр! – продолжал просить Махов, хватая хозяина кафе за руки.

Но мистер Геваро оставался непреклонен. Он даже снизошел до того, чтобы объяснить причину своего поступка:

– Ничего личного. Ты хороший работник, но у меня подрос племянник и, сам понимаешь, я сделал выбор в его пользу.

Вспоминая об этом эпизоде, Эрик скривился от отвращения. Он презирал себя сейчас за эти сопливые мольбы, ненавидел себя за проявление малодушия, да еще в такой унижительной форме. Но еще больше он ненавидел этого Геваро.

«Он еще пожалеет об этом, горько пожалеет... – в который раз мстительно подумал Махов, впрочем, крайне слабо представляя, что он сможет сделать с этим скотом Геваро.

Но то, что он должен отомстить ему, в этом не оставалось никаких сомнений. – Я ему еще покажу, где раки зимуют!»

Махов пришел в себя, кое-как оттеснив тяжелые мысли и пустые мечтания о мести на задний план, с трудом напялил футболку и штаны, поплелся на кухню с целью отыскать там упаковку противопохмельных растворимых таблеток. Перебрав гору всяческих коробочек от каких-то сушеных трав, непонятно от чего помогающих, до неведь как оказавшихся у него противозачаточных таблеток, он наконец-то нашел нужную.

– Дерьмо...

Эрик тяжело вздохнул и сел на стул. Пачка оказалась девственно-пустой. Ни одной таблетки. Делать нечего. Он отыскал под столом среди леса пустых бутылок недопитый пузырь мартины и одним приемом допил остатки.

– Вроде полегчало... – прислушавшись к себе, произнес Эрик.

В мозгах действительно будто просветлело и краски стали не такими серыми, приобретая живые тона. Впрочем, ненадолго.

– А теперь за дело.

Махов прошел обратно в свою комнату и засел за домашний терминал. Это был уже своего рода ритуал – вот так вот с утра пораньше садиться перед монитором, набирать в сети адрес службы занятости и искать вакансии.

После часа поисков он так и не нашел ничего не то что по

своим специальностям, коих у него имелось аж целых три, но и даже работы для чернорабочих вроде пятого помощника третьего заместителя второго главного механика.

В довершение ко всему он посмотрел на свои очереди в десяти списках на самые ходовые профессии. Но и здесь его ждало одно лишь разочарование. Самое близкое к заветному «нулю» стояло под номером «тысяча сто двадцать восемь», а самое дальнее – «пятьдесят тысяч шестьсот семьдесят треть». И еще неизвестно какое из них придет к финишу первым.

– Проклятье... Если судьба в плохом настроении, то это надолго.

Почему ему срочно требуется работа, имело простое объяснение – именно она могла вычеркнуть его из списков «Черной лотереи», официально именуемой Программой переселения иждивенцев во внеземные колонии. Но во внеземную колонию Эрик не хотел. Туда вообще никто не хотел попасть, разве что чокнутые и которым нечего терять...

Махов, сам не зная зачем, зашел на один из правительственных сайтов, расхваливающих колонизацию других миров. Их за прошедшие века открыли без малого дюжину и к каждой регулярно отправлялись корабли со «счастливчиками», «выигравшими» в «Лотерею».

Особый сарказм «Лотереи» заключался в том, что первые партии колонистов, которых на первых порах было слишком много, и на одно место в колониальном корабле приходи-

лось до миллиона желающих, формировались как раз через выборку по лотерее. Тогда получить выигрыш в «Лотерею» действительно являлось большой удачей.

«Как все красиво начиналось... – подумал Эрик, вспоминая историю первых путешествий на другие планеты, Эйфорию и энтузиазм по поводу основания новых колоний, ведь исполнилась старинная мечта человечества, у него появилось новое пространство для развития. – И как все закончилось...»

2

Первые попытки колонизации новых планет начались еще четыреста лет назад. Изобретение хитрых генераторов искажения пространства, позволивших перемещаться из одной точки вселенной в другую быстрее света, позволило человечеству выйти за пределы Солнечной системы и за относительно небольшое время в пять-десять лет достигать ближайших звезд с пригодными для жизни планетами.

Конечно, на такие путешествия соглашались только ну очень большие энтузиасты, чей энтузиазм граничил с сумасшествием, это учитывая, что они летали еще до изобретения простейших камер холодного сна. Человека в такой камере погружали в искусственную кому и остужали его тело до предельно низких температур, что позволяло до минимума снизить ресурсы для поддержания жизни колонистов и предохранить их психику от длительного пребывания в замкнутом пространстве.

Строились огромные корабли, вмещавшие в себя сотни тысяч, а потом и миллион колонистов, со всем необходимым для жизнедеятельности на первое время. От желающих полететь к звездам поначалу не было отбоя, и в необъятный космос к далеким мирам устремлялся один земной корабль за другим.

Первых колонистов можно было понять – их ждали чи-

стые миры, они стремились покинуть загрязненную и перенаселенную Землю. И не только Землю, но даже плохо пригодный для жизни Марс и прочие объекты, где только мог устроиться человек, вроде спутников газовых планет гигантов и даже холодный шарик на окраине Солнечной системы – Плутон.

Колонисты улетали за счастьем, за многие десятки световых лет – и все было хорошо. Но вот именно что «было»...

Планеты, на которые прилетали и обосновывались люди, не являлись стерильными, они уже имели сложившуюся биологическую систему, где не было места чужакам.

Эти биологические системы, как и любой другой живой организм, терпели инородное вмешательство, но только до поры до времени. В какой-то момент, рано или поздно, начинался процесс отторжения чужеродной органики, несмотря на все попытки, а может, как раз из-за них, перекрыть природу под себя и одновременно подстроиться самим под местные условия жизни.

Массовые эпидемии, несмотря на хорошую биологическую защиту населения вроде прививок и «зачистку» территорий, косили людей тысячами. Планеты уничтожали колонистов как инородную заразу, поселившуюся в их телах, атакуя эти «вирусы» своими микроорганизмами.

Каким-то колониям везло, а каким-то нет. И неизвестно кому действительно повезло: погибшим или выжившим?..

Колонисты вымирали от неизвестных болезней тысячами,

десятками и даже сотнями тысяч в короткие промежутки времени. Города, больше похожие на крепости с высокими стенами по периметру для защиты от крупных хищников, были буквально завалены трупами, которые никто не убирал, потому как некому.

Не всем экосистемам удалось справиться с «заразой», и людей, получивших иммунитет, которых осталось в лучшем случае десять процентов от первоначальной численности, было уже не так-то просто извести. Что не относилось к новым колонистам, даже привитым более совершенными прививками. Они повторяли путь своих предшественников, и их одолевали новые эпидемии, словно заставляя пройти своего рода обряд посвящения.

Некоторые планеты так и не поддались человеческому завоеванию, и в конце концов их закрыли для заселения.

После того как информация о чудовищных эпидемиях, стиравших все население, будто его и не было вовсе, с большим запозданием достигла Земли, начался откат. Люди упирались руками и ногами, не собираясь покидать пределы пусть грязной, пусть перенаселенной, пусть голодной, но родной планеты.

Но корабли продолжали строиться, имелось понимание того, что Землю нужно разгружать. Она не может вместить всех. Добровольцы, конечно, имелись, соглашались те, кому терять практически нечего. Но их уже было недостаточно для полного заполнения кораблей, как раньше – и в дело

пошли различные законы «очищения».

Первыми под его действие попали осужденные на срок пять и более лет. После этого криминогенная ситуация на Земле резко пошла на спад – никому не хотелось отправиться в колонии. Раньше тюрьма пугала мало, отсидев, человек возвращался в общество практически полноценным его членом и жил в свое удовольствие дальше как хотел. Но колонии! Отправившись туда, возврата назад уже нет!

Вскоре этого ресурса стало не хватать и дальше пошло по нарастающей. В зону риска попадали даже люди, совершившие незначительные проступки, вплоть до того, что несколько раз нарушил правила дорожного движения, не говоря уже о том, что стал виновником аварии.

Следующими, от кого решили очистить Землю, стали неизлечимые больные, причем в это число попадали не только люди, распространяющие болезни, а также асоциальные элементы вроде наркоманов. Их всех селили на отдельной планете, которую вскоре прозвали Лепрозорием. А планету, где селили осужденных, называли Зоной.

Вот уж куда попасть действительно никто не хотел. Порядки там царили варварские – «Человек человеку – волк». Впрочем, эпидемии и там делали свое дело. Выживал воистину сильнейший.

Правозащитники протестовали, называли происходящее фашизмом, социальным экспериментом с непредсказуемым результатом не только для колонистов и колоний, но и для

самой Земли в будущем, что Земля таким образом закладывает мину замедленного действия. Но будущее потому и будущее, что настанет не скоро и не при жизни ныне живущих, а потому никто из правящей верхушки ничего не хотел слышать. Ведь их это никак не коснется, а в будущем с любой возникшей проблемой справятся их потомки, если эта проблема вообще возникнет в принципе при нынешнем уровне смертности в колониях.

Добровольцев селили, естественно, на более комфортабельных планетах с хорошим климатом и более благоприятной экосистемой.

Но и этого ресурса вскоре стало не хватать. Вот тогда-то и появилась «Черная лотерея». А приз ее – билет в один конец во внеземную колонию.

На данном этапе в эту программу попадали все люди, чей возраст перевалил за двадцать пять лет, и не имеющие работу, то есть пресловутые иждивенцы, живущие на государственные пособия. Но даже работа не всех могла спасти. Только пенсионеры после шестидесяти могли оставаться спокойны за свое будущее, но до пенсии еще нужно как-то дожить.

А в последние два года вообще начался «беспредел». В «Лотерею» попадали даже рабочие и специалисты, не прошедшие аттестации на профессионализм. Так что нужно было быть профессионалом высшего класса, троечники сразу вылетали в трубу.

В общем, постоянно появлялись новые критерии, позволявшие людям стать участниками «Лотереи».

По этому поводу шли нескончаемые судебные процессы, но выигрывали их крайне редко.

3

Тяжелые раздумья прервал звонок терминала, оповещающий, что с Эриком кто-то связался в реальном времени, проще говоря – позвонил.

Эрик вынужден был ответить, так как звонила мать. Она выглядела слегка озабоченной.

– Привет, ма...

– Здравствуй. Как себя чувствуешь?

– Паршиво, – со вздохом признался Эрик. – Работы нет и все такое...

Мать понятливо кивнула. Родители тоже искали ему работу через знакомых всеми правдами и неправдами, и, как видно, помогало это плохо. Хотя именно так и нашли ему первую работу в кафе у мистера Геваро.

– Чего звонила-то?

– Проведать... Как после вчерашнего-то?

– Нормально. Только «антиалко» кончилось, пришлось прадедовскими способами лечиться.

– Понятно. Завтра приеду, привезу таблетки заодно. Только ты сильно не увлекайся этим, – сказала мама, сделав характерный щелчок пальцами по горлу. – А то мало ли... на-бедокуришь – и уже никакой «Лотереи» ждать не надо.

– Не буду, ма, обещаю. Буду вести себя паинькой.

– Ну ладно...

– Пока.

Эрик отключился первым. Не любил он эти пустопорожние разговоры. После них на душе становилось еще поганее. Хотя казалось, куда уж хуже-то?

Вдруг захотелось что-то разбить, закричать во всю глотку... Начинался приступ ярости, и Эрик поспешно отыскивал успокоительные таблетки. Их всегда в достатке, потому как если вовремя не успокоиться, то можно реально что-то натворить, и тогда билет в колонию вручат без всякой «Лотереи».

Эрик заерзал на стуле. На месте не сиделось. Хотелось срочно куда-нибудь свалить, забыться... Но пить много нельзя, тем более ширяться. На ежегодном медицинском освидетельствовании это быстро выявят, поставят ярлык «асоциальное поведение», о чем и предупреждала мать, а это тоже прямой путь в колонию.

Хоть вешайся...

Махов вдруг явственно понял мотивацию нынешних добровольцев-колонистов. Никакие они не добровольцы в полноценном понимании смысла этого слова. Никуда они не хотели лететь, как и все прочие люди на Земле. Они – беглецы.

Эти псевдодобровольцы бежали от страха, который живет внутри тебя. Страх того, что однажды терминал пискнет, а в открытом файле тебя будет ждать повестка, где сказано, что означенному лицу следует такого-то числа прибыть в накопитель, откуда только один путь – на огромный корабль,

стартовый в одну из колоний.

Многим казалось, что лучше уж самому прыгнуть в омут, а там будь что будет, чем каждый день трястись и ждать неизбежного. Тем более что добровольцам полагалась одна довольно сомнительная, но все же привилегия – самим выбрать пункт назначения, с их точки зрения, самую безопасную планету.

«Может, и мне плюнуть на все и записаться в подобные добровольцы, чтобы не мучиться зря?» – невольно подумал Эрик.

Но он отчетливо понимал, что духу на такой шаг у него не хватит. Слишком страшно. От одной только мысли, что он однажды полетит в колонию, в животе сразу что-то сжималось, переворачивалось, начинало бурлить, а во рту появлялся привкус горечи. Страшно лететь на неизвестную планету с ее агрессивной средой, хоть и обещали поставить все требуемые прививки и обеспечить всем необходимым для проживания. Страшно просто лететь через эту пустоту, спящим, замороженным, в которой корабли нет-нет да теряются.

В самом начале терялось действительно особенно много, около десяти процентов кораблей канули в неизвестность. Сейчас меньше, но все равно случается. Три года назад стало известно о том, что потерялся транспорт «Мистраль» с целым миллионом пассажиров на борту. Просто не дошел до цели своего путешествия.

Что с ним стало? Погиб? Просто потерял ход из-за полом-

ки двигателя или генератора и продолжает двигаться черепа-
шым темпом по инерции в реальном космосе?.. Неизвест-
но, потому как связь в космосе штука бесполезная. Любой
радиосигнал через пять световых лет просто растворяется,
смешиваясь с галактическим шумом. Лазерная связь, гораз-
до более скорая и надежная по сравнению с радио, тоже не
панацея, на пути луча может оказаться звезда.

Так что не удивительно, что ни один корабль до сих пор
не удалось спасти. Да и спасали ли?

«Ну и что мне теперь прикажете делать?» – уныло подум-
мал Махов, неизвестно к кому обращаясь.

Эрик осмотрел свою квартиру. В углу вот уже год пылил-
ся недостроенный парусный фрегат. Модель, точная копия
древних кораблей, из тех времен, когда даже о самолетах еще
ничего не знали, не говоря уже о космосе.

Строить корабли его детское хобби. Он сам вырезал каж-
дую дощечку, из ниток плел канаты, выкраивал из ткани па-
руса. Он старался, чтобы корабль походил на оригинал не
только внешне, но и внутренним строением. Но заниматься
хобби хорошо, когда у тебя все прекрасно и на душе нет да-
вящей тоски. А сейчас он скорее психанет и раздолбает мо-
дель о стену. Так что лучше и не браться, а то столько трудов
уйдет впустую.

От нечего делать, разлегшись на диване, при помощи ди-
станционного пульта Эрик стал перебирать на терминале те-
левизионные программы, перескакивая с одного канала на

другой. Везде шла какая-то муть, которую просто невозможно смотреть – вечные сериалы, какие-то идиотские реалити-ток-шок-шоу и тому подобная чушь, от которой возникала изжога и заболела голова, а она и так сейчас бо-бо.

– Пойду, прогуляюсь, может, получше станет... – решил Эрик.

Улица встретила Махова сыростью. Над головой стояли низкие темные облака, но до дождя еще далеко, так что зонтик можно не брать.

– И куда теперь?

Постояв недолго в нерешительности, Эрик направился в ближайший бар, где обычно кучковались его друзья и собратья по несчастью – потенциальные «счастливчики» по выигрышу в «Лотерею».

– Ну наконец-то появился! – крикнул Самсон, подзывая только что вошедшего приятеля рукой.

Эрик несколько удивился. Здесь явно что-то отмечали, о чем он и спросил:

– Что празднуем?

– Ну ты даешь?! – удивился Самсон. – Мы ж тебя звали.

– Когда?

– Только что. Позвонили тебе, сказали, чтобы ты шел сюда.

– Да? Точно мне звонили?

– А кому же еще?!

– И что я ответил?

– Что сейчас придешь!

– Хм-м... либо вы мне действительно звонили, но я все забыл, что неудивительно, либо вы все же звонили кому-то другому.

– Да какая теперь разница? – махнул рукой Самсон. – Ты здесь, а остальное неважно.

– Тоже верно...

– Хм-м, я вижу, ты действительно не в курсе? – скорее подтвердил свою догадку Самсон, чем спросил.

– Нет, – признался Эрик. – Так в чем дело? С чего такое веселье?

– Празднуем устройство на работу Ричарда.

Махов кивнул, где-то в глубине сознания скользнула черная зависть. Когда он устроился на работу, этот день тоже отмечали небольшой гулянкой. Как и у других.

– Повезло...

– В его случае это истинно так. Пойдем, нальем чего-нибудь.

– Что ж, давай отметим. Только где сам виновник торжества?

– Отлучиться вышел.

– Ясно.

Ричард страдал недержанием и ему приходилось часто отлучаться, по поводу чего ходило множество шуток.

– Садись, старик, – пододвигаясь, пригласил Локк.

– Спасибо. – Эрик сел на услужливо пододвинутый стул.

– Сейчас Ричи подойдет и продолжим.

– Как после вчерашнего? – чуть хмуро спросил чернокожий Бубба.

Кажется, он тоже все еще страдал похмельем и, как видно, явно не в восторге от новой пирушки. А может, и оттого, что он, как и сам Эрик, безработный. Остальные в пятерке приятелей, в том числе теперь и Ричард, работу имели.

– Нормально.

– Вот штрафная, – сказал Локк, протягивая бокал с пивом.

Следуя традиции, Махову пришлось выпить его до дна одним заходом под дружные аплодисменты остальных.

– Кстати, о Ричи, – рыгнув, произнес Эрик. – Кем он устроился?

Махов все же несколько удивился, что его вообще куда-то взяли с такой проблемой, как недержание. Бегать каждые десять минут в туалет, на это не каждый работодатель согласится.

Ричард все еще отсутствовал.

За столом пробежал легкий смешок. Улыбнулся даже хмурый Бубба. Он и ответил:

– Ассенизатором. Как раз по его профилю.

– В смысле? – не сразу понял смысл слов Махов.

Ричард, насколько помнил Эрик, учился на оператора поливочной установки в биооранжереях.

– В прямом, – ответил Самсон. – Ссы прямо на рабочем

месте сколько хочешь, никуда бегать не надо, ведь вокруг него один сплошной туалет.

На этот раз смех раздался куда громче.

– Смейтесь-смейтесь, – кивая, произнес вдруг из ниоткуда возникший Ричард.

Он находился в отличном настроении, и выбить его из колеи даже обидными подначками сейчас не представлялось возможным. Потому он прощал сейчас все шутки в свой адрес. К тому же он уже давно привык даже не к очень смешным шуткам и просто не обращал на них внимания.

В ходе гулянки выяснилось, что работа досталась Ричарду по списку – подошла его очередь, чему тот, естественно, был безмерно рад, ведь его имя вычеркнут из «Лотереи» как минимум на пять лет. Таков закон. За это время он поднатореет в своей работе, станет высококлассным специалистом, если не произойдет ничего неординарного, и никакой проверочной аттестацией его уже будет не выбить с насиженного места. Вот уж действительно повезло.

«Да уж, – подумал Махов, – лучше всю жизнь провести среди дерьма, чем тащиться к черту на кулички, где тебя может укусить какая-нибудь злобная инопланетная бяка и ты в жутких мучениях отправишься к праотцам, сам став компостом. Лучше уж сразу пустить себе пулю в лоб, чем уж так».

– За ассенизатора! – произнес тост Самсон.

– За ассенизатора!!! – вторили остальные, поднимая бокалы высоко над головой.

Маленький праздник плавно перешел в очередную затяжную пьянку, где пиво и коктейли заменили крепкие спиртные напитки.

«А ведь я обещал, что не буду, – с запозданием, но без особого раскаяния подумал Эрик, вспоминая, что обещал матери не пить. – Да какая теперь к черту разница?»

Глаза сами собой остановились на мониторе, висевшем над головой невозмутимо протиравшего бокалы бармена. Показывали очередной пропагандистский репортаж-зазывалку о колонистах.

Имелось и звуковое сопровождение, но из-за шумящих приятелей Эрик ничего не слышал, о чем, впрочем, нисколько не жалел. Он примерно знал, о чем там говорят, слышал не один десяток раз в других подобных репортажах, по большому счету ничем друг от друга не отличавшихся. А говорили, что в колониях уже давно стало безопасно, эпидемий давно не случалось, и люди там получают возможность построить новую счастливую жизнь. Показывали первозданную природу, чистые пляжи, облака и солнце над головой. Живи – не хочу.

«Ну как так можно безбожно врать?! – уже в который раз возмутился Махов. – Хотя... если одно и то же вбивать в голову обывателя по капле, то рано или поздно чаша наполнит-

ся, и человек действительно поверит, что ему говорят правду, и он клюнет на предложение о добровольном переселении. Это как с телеведущей, – вспомнил он. – Лошадь лошадыю, однако проходит пару лет – и начинаешь о ней думать: ну, если хлопнуть пару стакашек водки, то вроде как ничего. Еще через пару лет уже и без стакашек думаешь подобным образом. А еще через пару лет, глядишь, красавицей ее назовешь...»

Махов встал из-за стола, даже не в трезвом виде понимая, что уже все переступили некую границу и пора расходиться.

Ричард лежал в тарелке с салатом и счастливо улыбался, не обращая никакого внимания на то, что штаны у него мокрые. Остальные выглядели немногим лучше. Вот только Бубба, плохо переносивший спиртное, кажется, начинал очередную ссору и что-то пытался доказать Локку, бессвязно бормоча о «белых мальчиках», которые находятся в привилегированном положении, и это несмотря на то, что сам Локк был явно не арийцем. Его предки были откуда-то из Юго-Восточной Азии, о чем явственно говорила его узкоглазость.

– Все, ребята, я – пас.

– Что, белый мальчик уже пошел...

Откуда-то из глубин души вдруг темной волной поднялась первобытная злоба, а может, просто организму требовалась разрядка после многомесячного переживания, поисков и стенаний? Кто знает, может, и так?

– Заткнись, урод! – воскликнул Махов, не дав договорить

что-то обидное Буббе. – Заткнись. Или ты забыл, что именно «белому мальчику», именно Эндрю год назад достался «счастливый билет» в «Лотерею»? Не тебе, а Эндрю! Так что не надо заливать тут про «белых мальчиков», твою мать!

Бубба в ответ заревел, как взбесившийся кабан, вскочив со своего места. Но драке разгореться не дали. Всевидящий бармен дал знак охране, и они пресекли беспорядки на корню, похватав зачинщиков и вытолкав их на улицу.

– Уймитесь, ребята, – пожелал один из вышибал, встряхнув обоих, как тряпичные куклы, – а то попадете в участок, а оттуда сами знаете, куда ведет прямая дорога...

Махов знал. Знал это и Бубба. Ссора сразу же затухла. Потому как шансов получить «счастливый» билет «Лотереи» после привода в полицейский участок гораздо больше.

– Извини, – сказал Бубба, протягивая руку.

– Проехали, – отозвался Эрик, пожав черную ладонь приятеля.

Уличный воздух за пределами бара не улучшил состояние Эрика. Да и как он мог его улучшить, если был каким-то одновременно сырым и теплым? Сейчас нужна прохлада и горная свежесть...

Завидев приглашающее мерцание вывески над аптекой, Махов направился туда.

– Чего желаете? – профессионально приветливо улыбнувшись, спросила молодая аптекарша, стоило только Эрику войти.

Махов сфокусировал взгляд на ней.

«Да, чего я желаю? – тяжело ворочая мыслями, подумал он. – Ах да...»

– Пачку антиалко...

– Какую?

– Без разницы, лишь бы действовала быстро. И стакан воды.

– Одну минуту.

Продавщица ненадолго отвлеклась и вскоре появилась с коробочкой и стаканом воды.

– Вот пожалуйста. Это «Дабл’алко», а вот вода.

Махов кивнул. Распечатал пачку противопохмельных таблеток и бросил в стакан аж целых три штуки.

– Это слишком много!

– Нехай...

Эрик, размешав таблетки пальцем, одним залпом осушил еще пузырящуюся воду.

– О-о... вроде полегчало. Сколько с меня?

– Полтора реала.

Эрик сунул карточку в щель «кассы».

– Оплата произведена. Спасибо за покупку, приходите еще, – проворковала «касса» модулированным голосом.

– Ваш? – спросил Эрик, имея в виду голос.

– Мой.

– Вам тут случайно грузчики или еще какие рабочие не нужны?

– Увы...

– Ну и ладно.

Эрик постоял еще какое-то время под кондиционером, подвешенным под потолком, подставив прохладному потоку воздуха слегка разгоряченное лицо, и, почувствовав себя значительно лучше, вышел на улицу.

Махов постоял в нерешительности, не зная, куда пойти. Не успел он сделать и пары шагов по направлению к дому, как услышал чьи-то полные ужаса женские крики.

Эрик обернулся и увидел, как из-под земли, выбив крышки канализационных люков и распугав случайных прохожих, выскакивают черные от грязи люди в балахонах и с мешками в руках.

«Крысы», – с некоторым удивлением сразу же опознал оборванцев Махов по многочисленным репортажам в новостных и криминальных хрониках. Собственно, только «крысы» и являлись основными героями этих хроник, ведь преступности как таковой уже давно не существовало. Кажется, что полицию только из-за «крыс» еще не распустили.

Эрик их раньше никогда не видел воочию, но из новостей знал, что под землей сбиваются довольно большие банды из тех, кто получил свой «лотерейный» билет, но ни за что не хочет отправляться в колонии.

Полиция вела против них жестокую войну. Время от времени полицейские обнаруживали эти банды и, если те не сдавались добровольно, начинали на них охоту.

Пойманных ждала Зона. Без вариантов.

Вот и теперь эти «крысы» выскакивали на поверхность, отбирали у прохожих сумочки, срывали верхнюю одежду, врвались в продуктовые магазины и выносили все, что могли собрать и унести по канализационным трубам.

Вдалеке уже слышался вой полицейских сирен. Но машины с полицейскими как всегда придут слишком поздно.

«Ну и зачем они включают сирены? – с недоумением подумал Эрик. – Не лучше ли подъехать незаметно и повязать всех тепленькими?»

– Шухер!!! – закричал один из самых горластых разбойников, также услышавший сирену.

«Хотя, с другой стороны, „крысы“ поставят наблюдателей за несколько кварталов и предупредят о подходе полиции дистанционно, – снова подумал Махов. – Так что никакой разницы».

И еще до того как полицейские машины появились из-за поворота, вся банда попрыгала обратно в люки, из которых и появилась. Даже крышку обратно приладили.

– Шустрые ребята, – неизвестно кому сказал Эрик и поплелся домой.

Очередь в одном из списков на трудоустройство продвинулась на три позиции и составила две тысячи пятьсот второе место. По другим девяти спискам успехов вообще не было.

– Мн-да. Чтобы стать простым оператором-грузчиком,

с такими темпами мне придется ждать года два, никак не меньше, – сказал самому себе Эрик. – А по другим и того больше.

Махов со злостью ударом клавиши закрыл в сети страницу Службы занятости. А потом и вовсе отключил терминал, но делать нечего – и он включил его снова, но в режиме телевизора.

– Что тут у нас показывают?..

Беглый просмотр каналов показал, что ничего интересного. Все та же развлекательная муть, не требующая концентрации внимания, просто сиди, смотри и гипнотизируйся.

Эрик все же задержался на одном из каналов. Это сродни садомазохизму. В прямом эфире показывали старт корабля с колонистами. Еще миллион человек отправлялся в черноту космоса, чтобы через долгие годы полета прибыть к месту назначения.

По телу пробежала неприятная дрожь. Для Махова и для десятков миллионов таких, как он, по всей Земле, его старт означал только одно – через пару дней запустят «Лотерею», и тут уж кому «повезет».

Что-то бубнил диктор. Его Махов слышал словно через вату:

– Вот он, третий старт в этом году. Что принесет он миллиону колонистов, находящемуся в чреве этого космического гиганта – пассажирского транспорта «Анаконда»?

«Анаконда» действительно походила на огромную змею,

но с раструбом двигательного отсека в хвосте. Пятикилометровый корабль, изрыгая снопы огня из разгонных двигателей, быстро набирал скорость, чтобы вскоре скрыться в бесконечной черноте космоса.

– «Анаконда» идет в систему Сальери, к планете Нерон. Что можно сказать об этой планете? – продолжал вещать диктор. – Только то, что это одна из самых безопасных планет...

«Ой ли?» – усомнился Эрик со всем сарказмом, на какой был способен.

– Именно так, – сказал диктор, будто отвечая на эту усмешку.

Его сменила картинка-репортаж об этой «чудесной» планете. Проплывали леса, горы реки, моря и океаны. Показали несколько колониальных городов, больше похожих на какие-то деревушки. Ну не то чтобы деревушки, но низкие дома в десять этажей там самые высокие здания, да и по площади эти города, конечно, не впечатляли. А сразу за городами начинались сельскохозяйственные пашни под различные культуры, от картошки до пшеницы.

– Да, мы знаем, что были случаи эпидемий, но это уже история, дорогие дамы и господа. Наши ученые нашли способы бороться с этой заразой. Созданы самые эффективные вакцины, и теперь там так же безопасно, как и здесь, на Земле. Да-да, дамы и господа, это поистине так! Ничего подобного на Нероне, как в самом начале колонизации, больше не

происходило, а это значит, что ситуация взята под контроль и можно смело колонизировать эту планету, не опасаясь за свою жизнь.

«Тогда что ты здесь делаешь, а не летишь вместе с ними, сволочь?» – снова подумал Махов.

– Пошел в задницу, – сказал Эрик уже в экран, нажимая на кнопку пульта.

Экран терминала моргнул и отключился.

День «Лотереи» неумолимо приближался. Потенциальные победители горстями глотали антистрессовые таблетки, многие не выдерживали психологического прессинга и попадали в больницы с нервным истощением, передозировками, а кто-то просто слетал с катушек.

Наконец розыгрыш состоялся. Но вот ждать часа, когда объявят результат и на терминал «счастливчика» придет сообщение, Эрик не мог просто физически. Он не находил себе места и, не выдержав, позвонил своей подруге – Катрин Пэксон. Она работала на мелкой должности в муниципальной больнице. Работа не ахти как хорошо оплачиваемая, но это все же работа, а значит, какая-никакая, но защита от «Лотереи».

– Алло?

– Катрин, это я – Эрик.

– Привет...

Катрин только после этого соизволила включить изображение, и Махов увидел ее крупным планом. По еще мокрым волосам и халату сразу стало ясно, что она только что из душа.

– Как дела? – спросил Махов. Хотя скорее ей следовало поинтересоваться делами Эрика.

– Нормально.

– Как смотришь на то, чтобы смотаться в «Парадиз»?

– Зачем? – с легкой ленцой спросила Катрин.

Этот вопрос сбил Махова с панталыку. Что можно делать в «Парадизе»? Естественно, веселиться! Ведь все знают, что это самый большой развлекательный комплекс в районе, занимающий целый квартал.

Еще ему не понравился этот пренебрежительный голос. Раньше она с ним так не разговаривала.

– Развлечемся, – все же ответил Эрик, подавляя в себе раздражение, готовое вот-вот вырваться наружу. – А потом ко мне...

Договорить Махов не успел, прервавшись на полуслове. Он услышал хлопок закрывшейся двери и увидел быстрый взгляд Катрин куда-то в сторону, видимо, она хотела что-то сказать, но не могла этого сделать при разговоре с Маховым.

– Что за дела? – подозрительно спросил Эрик. Катрин, как и он, жила одна, а если это кто-то из родных, то все выглядело бы несколько иначе. Не было бы этих испуганных глаз. – Что там у тебя слу...

Но, еще не договорив, Эрик понял, что правильнее будет не «что», а «кто».

Наверное, этот «кто» не отличался особыми умственными способностями и не смог разгадать смысл взгляда Катрин, а может быть, наоборот он сделал это специально. Но как бы там ни было, на экране терминала Эрика появилось чужое голое мужское тело, лишь на поясе висело полотенце.

– Та-ак, – протянул Эрик, не зная, как реагировать на подобное обстоятельство, и, не придумав ничего лучшего, спросил: – Кто это?

– А это имеет какое-то значение? – прозвучал в ответ наглый голос парня в комнате Катрин.

– Ты прав, – выдавил из себя Махов, – не имеет.

Конечно, за два года, что Эрик был знаком с Катрин, их чувства слегка охладели, но Махов не подозревал, чтобы до такой степени. Этого он никак не ожидал.

– Ты не могла мне сказать сразу? – спросил он. – Зачем было вот так... – Эрик лишь бессильно взмахнул руками.

Видимо, Катрин решила, что лучший способ обороны это нападение, а потому с каким-то вызовом в голосе сказала:

– А что ты хотел? Я девушка молодая, мне нужно думать о будущем. Мне двадцать три и уже пора замуж. Нужно крепкое мужское плечо с хоть какой-то гарантией в будущем. А с тобой... сам должен понимать...

«Ну да, холостые быстрее получают приз от „Лотереи“, чем состоящие в браке, да еще с детьми», – отстранение подумал Махов.

– Понятно. Списала уже... сука.

Махов с силой вдавил кнопку на пульте, выключая терминал.

– Сука, – повторил он, но уже тому парню, который во время их с Катрин разговора нагло улыбался, вторым полотенцем обтирая голову, пожалев только, что уже оборвал

связь. – Уроды...

Махов пытался вспомнить, где он видел того парня, а в том, что он его где-то видел, Эрик не сомневался. Но как ни силился вспомнить, так и не смог. Да и нужно ли это?

До результата розыгрыша «Лотереи» оставалось еще три часа, и Махов не придумал ничего лучше как напиться в баре, потому что сердце внутри так и ходило ходуном, а принятые успокоительные все никак не желали действовать.

Предательство Катрин стало последним гвоздем в крышку гроба его силы воли, все еще сопротивлявшейся гнетущему состоянию.

Махов не особенно удивился, увидев за дальним столиком Буббу. Тот, не особенно часто употреблявший спиртное, отправлял содержимое бутылки в рот одну стопку за другой.

– Привет, Бубба. Ничего, если я присяду?

– А, Эрик, – поднял осоловевшие глаза Бубба и, тяжело кивнув головой, сказал: – Садись.

Махов подозвал официанта и заказал «Коркшрев». Спустя минуту тот принес пузатую бутылку водки с придурочной пробкой, одновременно игравшей роль ручки.

– Отличное пойло, – одобрил Бубба.

– Да, – согласился Эрик. – Я всегда его заказываю, когда хочу быстро и капитально напиться.

– Почему так, а? – вдруг спросил Бубба после стопки водки.

– Ты это о чем? – не понял Махов.

– Об этом дерьме под названием «Лотерея». Почему мы

должны куда-то лететь, куда лететь мы совсем не хотим, в эти чертовые колонии, будь они прокляты...

– Ответ на твой вопрос чудовищно прост, до безобразия.

– Да-а?

– Угу, – кивнул Эрик, опрокинув очередную стопку.

– И какой?

– Если таких, как мы с тобой, не будут отправлять в дальние дали, в эти самые колонии, то мы на Земле передохнем, как мамонты.

– Это почему же?

Махов вздохнул. Ему приходилось объяснять Буббе прописные истины. Но он был в принципе не против.

– Потому. Потому что не отправляя по пятнадцать-двадцать миллионов человек в год в колонии, перенаселенная Земля, на которой теснится более десяти миллиардов человек, просто загнетса от голода. Оранжереи, все эти биоцентры уже сейчас не справляются с таким количеством ртов. Вот и пришла какому-то мудаку идея отсылать такую ничего не делающую и живущую на одни пособия шелупонь, как мы, подальше. А правительство, которое, такое впечатление, состоит только из одних мудаков, быстренько приняло соответствующий закон, впоследствии получивший название – «Лотерея».

– Это жестоко...

– Тут я с тобой полностью согласен, друг.

– Это жестоко, – продолжил Бубба. – Вот так вот сидеть

изо дня в день на заднице и трястись над судьбой собственной шкуры. Эти сволочи, принявшие закон, об этом наверняка даже и не подозревают. Сидят где-нибудь в горах выше вечных облаков и греются на солнышке. Ненавижу.

Бутылка «Коркшрева» под подобные разговоры вскоре была благополучно выпита, но вот странное дело, Махов против обыкновения не чувствовал себя пьяным.

«Проклятье, даже вот такая ядреная водка не помогает, – злобно подумал он. – Только деньги на ветер выбросил».

Эрик, перед тем как заказать следующую бутылку, посмотрел на часы. Время, судя по часам, пролетело сверхбыстро. Цифры показывали половину восьмого вечера, а значит, результаты «Лотереи» вот уже как полтора часа тому назад объявлены.

– Ладно, Бубба, пойду я, – сказал Махов мирно посапывающему в тарелке с салатом приятелю. – Желаю удачи...

На улице алкоголь все же дал о себе знать. Ноги сделались ватными, но Эрик схватился руками за стену и, немного постояв, приходя в себя, отправился домой. Ощущение у него было наипаршивейшее.

– Ничего... пробьемся.

Действительно, вероятность того, что «Лотерея» выберет тебя, как и в настоящей лотерее на деньги, ничтожно мала – всего сто – сто двадцать тысяч (в зависимости от грузоподъемности стоящего под парами судна) на более чем миллиард таких, как он, иждивенцев.

Великое множество людей, которые являлись безработными со дня основания «Лотереи» и каждый год участвовали в ее розыгрыше, жили припеваючи на Земле до сегодняшнего дня на пособия в муниципальных квартирах. Большинство из них уже привыкли к этому настолько, что не обращали на розыгрыш «Лотереи» ни малейшего внимания.

С такими ободряющими мыслями Эрик Махов открыл дверь своей квартиры.

Эрик рухнул на пол как подкошенный и причиной тому была не распитая с Буббой полчаса назад бутылка «Коркшрева».

На экране терминала горел значок пришедшего сообщения.

– Только не со мной, только не со мной... – как заводной повторял Эрик.

Он никак не мог поверить в происходящее, а точнее в уже произошедшее.

– Этого просто не может быть!!! Просто потому что не может быть...

«В конце концов это не обязательно оттуда... Это может быть любое сообщение, хотя бы от мамы», – с искоркой надежды подумал он.

Но почему-то верилось в это с трудом.

Махов сначала заплакал. Слезы лились прямо-таки ручьями. Но потом и они как-то вдруг иссякли. В душе образовалась абсолютная пустота, в которой, как в черной дыре, исчезали все чувства, даже ужас произошедшего.

Он встал и включил терминал, чтобы прочитать сообщение.

Увидев заставку, ноги все же снова задрожали, и Махов почел за лучшее сесть на стул.

«Лотерея» «улыбнулась» ему – Эрику Махову, улыбкой акулы.

Не было ни сил, ни желания даже на произнесения проклятий в адрес бездушной машины и ее создателей, которая по только ей ведомому принципу отбирает «счастливиц» для путешествия к далеким звездам на постоянное место жительства.

Махов все же заставил себя прочесть пришедшее на его адрес сообщение.

«Махову Эрику Юрьевичу, 03 числа 04 месяца 2637 года рождения, прибыть в сборный пункт 45/7 не позднее 30 числа 05 месяца 2662 года для дальнейшего медицинского освидетельствования и отбытия на новое постоянное место жительства – система Орфей, планета Орхан, на транспорте „Интестинал ворм“, отбывающем 15 числа 09 месяца 2662 года. Явка обязательна. Уклонение от данной гражданской обязанности влечет за собой уголовное преследование по статье 3721 части 239 пунктов „а“, „б“ и „в“ Уголовного кодекса Земной Федерации с последующей высылкой на Праймзон».

«То есть на Зону, – перевел название Праймзон Махов. – Сволочи...»

Теперь он примерно представлял, как чувствует себя человек, который идет в больницу проверить, что там у него

не так с аппендиксом, и вдруг узнает, что он неизлечимо болен и жить ему осталось чуть больше года. Паршиво. И это мягко сказано.

Махов открыл прилагающиеся файлы, чтобы побольше узнать о месте своей депортации – планете Орхан. Он прочитал вслух текст, сопровождающийся красочными пейзажами планеты от полярных областей до тропиков:

– Система Орфей, планета Орхан. Расстояние от Земли – триста двадцать пять световых лет... Самая дальняя колония из всех... Примерное время перехода десять лет. С остановкой на Праймзоне. Орхан – планета земного типа, второй объект от звезды. Имеет три спутника. Характеризуется умеренным субтропическим климатом. Умеренно насыщенным животным миром. Площадь суши – сорок пять и семь десятых процента.

Эрик на слух хотел прочувствовать, что скрывается за этим «умеренно насыщенным животным миром», но не смог. Ему виделись какие-то монстры из фильмов ужасов. А открывать приложенные к этой ссылке файлы о животном мире он отчего-то не стал. Позже посмотрит.

– В настоящий момент времени на Орхане проживает более двенадцати с половиной миллионов человек, рассредоточенных в ста пяти городах, – продолжил читать Эрик. – А что у нас про случаи массовой гибели говорится?

Махов нашел нужную ссылку.

– Так-так, что тут у нас?.. Ага... Последний случай массо-

вой гибели отмечается пятидесятилетней давностью. Погибло четыреста пятьдесят три человека. Вирус локализован.

«Интересно, можно ли этому верить? – подумал он. – Вряд ли... Наверное, как минимум забыли пририсовать три нолика... а то и все четыре».

– Да уж, веселого мало...

Но потом он вдруг неожиданно для самого себя испытал чувство необычайного облегчения, будто с него сняли многотонный груз, который тяжелел день ото дня. Гнетущее состояние, копившееся внутри вот уже несколько лет, покинуло его. Махову казалось, что еще немного, и если взмахнуть руками, то он оторвется от пола, что твоя птица.

Теперь не нужно трястись от страха каждый день, ожидая очередного часа розыгрыша «Лотереи». Не нужно переживать, что так медленно подходит его очередь в списках на работу. Теперь не нужно ничего решать – все решили за него.

Вот только родителей было жаль. Мать наверняка будет плакать, а этого он не хотел.

– Как им об этом сказать?

Но правду говорят, что между близкими родственниками есть некая связь на каком-то высшем уровне. Вот и сейчас, стоило ему только подумать о родителях, как они дали о себе знать, позвонив на терминал.

– Привет, ма, – сразу же поздоровался Эрик с бодрым видом, не давая тем сказать ни слова, так как видел, что самый главный вопрос мать задать не сможет без того, чтобы

не разрыдаться.

– Ну как?.. – все же спросила она.

– Нормально, – сказал чистую правду Эрик. – Хотя еще не так давно, выиграв в подобную игру и сорвав при этом джекпот, я орал бы от горя. Успокойся, ма, все не так уж плохо, можешь мне поверить. Даже больше того, я даже где-то в глубине души рад, что «выиграл». Ведь все решено и больше нет места стенаниям и самоистязанию. Теперь я – колонист, покоритель вселенной. Хм-м... это где-то даже звучит гордо.

Слезы и сопли остались позади. Это продолжалось целых три дня, пока наконец Эрик всерьез не рассердился:

– Да хватит меня хоронить заживо, в конце-то концов!

– Прости, сынок, это очень тяжело...

– Это ты меня извини, ма. Все нормально. Я даже думаю, что это действительно лучший выход из положения. И иногда мне кажется, что переживания по поводу неясного будущего свели бы меня в могилу быстрее, чем какая-нибудь зараза на этом Орхане. Я бы просто банально спился бы, а то и вовсе выпрыгнул бы в окно, как это сделали почти пять тысяч человек за последний розыгрыш. А так все предельно ясно и никаких сомнений. Может, и правда, что не так страшен черт, как его малюют?

– Ты это о чем?

– Ну... Планета давно освоена. Это все же лучше, чем новые колонии, где вообще ничего не известно. Так что на Орхане шансов выжить немало. Так что все тип-топ.

– Правда?

– Конечно.

Эрик и сам уже почти верил в то, что говорил. Очень хотел верить.

– И еще, – Махов потряс в воздухе пальцем, – не вздумайте произвести замену.

Потупившиеся взгляды родителей показали ему, что он попал в точку, те были близки к такому варианту. Законом разрешалось нетерпеливому добровольцу, если таковой объявился после розыгрыша «Лотереи», заменить собой любого «счастливчика». Многие счастливицы платили громадные деньги таким добровольцам, если находили таких идиотов, конечно.

– Не вздумайте, – еще раз погрозил пальцем Эрик. – Мало того, что меня не спасете, так как я буду включен в следующий этап. За год мне работы не найти, так и себя погубите и меня не спасете. Обещайте.

– Хорошо...

Оставшееся время до назначенного срока прибытия на сборный пункт или в отстойник Эрик провел в безудержном веселье, когда один, а иногда и с друзьями.

Деньги, конечно, нужны и в колониях, но Махов справедливо заметил, что ничего подобного «Парадизу» там нет. А потому отрывался на всю катушку на всевозможных аттракционах, даже на тех, к которым раньше он и близко не подходил. Вроде «колеса смерти», где людей раскручивали так, что они выходили из него в полуобморочном состоянии. Или «носа дьявола», здесь к ногам цепляли трос и скидывали с трехсотметровой высоты. Были и «крутые горки», от перепадов высоты которой и резких переворотов на триста шестьдесят градусов начинало подташнивать. Но Махов терпел со стойкостью, достойной лучшего применения.

За эти недели, на этих сотнях аттракционов, Эрик наорался так, что с лихвой хватило бы на десяток лет, если не больше. Чуть связки не надорвал.

После аттракционов Махов напивался до полусмерти, и домой его отвозила специальная служба доставки.

Вскоре его уже начинало тошнить только от одной мысли о развлечениях. Да и не было уже на это времени. Время текло неумолимо, и вскоре остался лишь один день свободы, после которого надлежало явиться в пункт назначения, иначе начнет свою охоту полиция, а это прямая дорога на Зону.

Последний день Эрик провел с родителями, что не принесло ему большого удовлетворения, так как у матери все время были красные глаза, и она постоянно находилась на грани если не истерики, то затяжного рыдания. Но сделать это было нужно, поскольку Эрик понимал, что в противном случае сам будет жалеть об этом до конца своих дней, ведь это его предпоследний день, когда они могут побыть все вместе.

– Ладно, ма, в самом-то деле... не нужно меня хоронить, – уже в который раз повторял Эрик, сидя рядом с матерью. – Обещаю, что я буду вести себя осмотрительно, обязательно мыть руки перед едой, надевать презерватив и все такое...

Проводы затянулись до глубокой ночи, и Эрик едва смог вырваться из квартиры родителей, отклонив предложение переночевать у них.

– Нет, ма. Иначе утром будет еще хуже.

Что было бы утром, останься он ночевать, Махов даже представить боялся.

– Да-да, конечно...

– Утром увидимся. Да, и до отлета еще насмотримся друг на друга. Все, пока.

Эрик наконец оказался на улице. Так и подмывало всхлипнуть, глаза уже заволокло влажной пленкой, но он еле удержался, зная, что если позволит себе эту слабость, то разревется, как та Таня, уронившая в речку мячик.

Ноги сами привели его в ближайший бар. Пить одному не хотелось, и он в который уже раз поднял посреди ночи друзей.

– Здорово! – жизнерадостно, но с какой-то фальшью поздоровался со всеми собравшимися припозднившийся Самсон.

И снова все пошло по накатанной. Официант едва успевал менять на столе одну бутылку из-под «Коркшрева» на другую.

– Куда тебя? – сочувственно спросил Бубба.

– На Нахрен... нет... – Эрик мотнул головой, собираясь с мыслями. – На Охренеть... нет... опять не туда...

– Может, на Орхан? – подсказал Ричард, плохо пьяневший, поскольку вся жидкость из него выходила буквально через пару минут после того, как была благополучно проглочена.

– На него, – подтвердил Махов.

– Ну-у... не такая уж и поганая планета, – прогундосил Локк. – Лучше, чем Закир или даже Вассерс.

– Так может, мы с тобой поменяемся? – пьяно предложил Эрик. – Ты на Нах... на Охрен... то есть на Орхан, а я на Земле останусь, а?

Повисла неловкая пауза.

– Ладно, проехали, – махнул рукой Махов, почувствовав, что ляпнул не то, и тут же предложил тост: – За Орхан, мать его!

Все дружно опрокинули свои стопки с водкой и даже не поморщились.

Попойка начинала подходить к своему пику, когда не далеко было и до драки, но в этот момент подошел посланный барменом вышибала.

– Господа...

– Чего тебе, горилла? – спросил Махов.

Казалось, охранник ничуть не обиделся, он даже улыбнулся, глядя на то, как корчатся от смеха приятели, тыкая пальцами в сторону охранника.

– Господа, – повторил охранник более настойчиво. – Вам лучше покинуть заведение во избежание эксцессов.

– А если мы не хотим?!

– Я сделаю это силой. Но есть и более простой способ.

– Какой же?

– Это за счет заведения...

Вышибала подозвал стоявшего неподалеку официанта и

взял с его подноса бутылку «Коркшрева».

– Ну так как? Будем по-хорошему или по-плохому? – спросил он.

– По-хорошему, – кивнул Эрик. – Тем более что нам все равно закругляться пора...

– Приятно иметь дело с разумными людьми.

– Ну и ты типа извини за «гориллу»...

Новый взрыв хохота повалил всех обратно в кресла. Не обращая внимания на подобное поведение, охранник подзвал своих коллег и все вместе они вытолкали веселящуюся компанию наружу.

– Надо же, а бутылку он нам все-таки отдал... – удивился Самсон, поражаясь щедрости заведения и выдержке вышибалы.

Мутное просветление на востоке говорило о том, что приближался рассвет.

– Давайте прогуляемся по городу, по славному Крайсману в последний раз, вот так, все вместе.

Друзья, которым всем, кроме одного, уже сегодня надо на работу, согласились. Ведь последнее желание смертника – закон. А потом можно подлечиться таблеточками – и будешь как огурчик.

Они шатались по улицам, распуская немногочисленных прохожих, отхлебывая водку прямо из горлышка из ходившей-переходившей по рукам бутылки халявного «Коркшрева», горланя какие-то песни, да в такой разной, что ниче-

го нельзя было разобрать. Эрик вообще сомневался, что они пели одну и ту же песню, но ему было на это абсолютно наплевать.

Махов остановился так резко, словно со всей дури налетел на стену. Глаза остекленели, а из головы в один миг вылетел весь пьяный туман.

– Ты чего? – непонимающе спросил его Локк, пытаясь утянуть за собой, чтобы продолжить бесцельное брожение по улицам.

– Ты чего? – повторил вопрос Самсон, пытаясь проследить за взглядом Эрика. Но так ничего необычного, на свой взгляд, не увидел.

Махова еще раз попытались утянуть за собой, но он стоял не шелохнувшись, словно столб, вкопанный в землю. Прямо перед ним находился семейный ресторан мистера Геваро, где он когда-то работал. Но не эти не совсем приятные воспоминания заставили его остановиться, а та наглая рожа, которую он видел по терминалу в квартире Катрин. Эта поганая улыбка всплыла в его памяти сразу, как только он увидел знакомое лицо.

Сейчас эта рожа не улыбалась противной ухмылкой. Тот человек, казалось, вообще не замечал компанию в целом и Эрика Махова в частности.

– Убью с-суку!

– Какую? – непонимающе спросил Бубба, поддерживаемый Ричардом, пьяно оглядываясь по сторонам в поиске

означенной «суки».

– Вон ту.

Теперь Эрик понял, почему он никак не мог вспомнить лицо нового любовника Катрин, потому что он его просто не видел, это просто семейное сходство. Работник, который расстилал скатерти, приходился племянником мистеру Геваро, и с ним же спуталась Катрин. Получается, Эрик вместе с работой уступил племяннику Геваро и свою девушку. Этакая эстафетная палочка...

– Сука... с-суки...

Махов, как автомат, отнял у кого-то из своих друзей бутылку со все еще недопитой водкой и засунул в горлышко свой носовой платок, предварительно обильно его смочив.

– А че это ты делаешь, а? – поинтересовался Локк. – Что за извращение?..

– Увидишь. Дай лучше закурить?

– Ты же не куришь...

– А вот сейчас прикурю... то есть дам кое-кому прикурить... – с демонической улыбкой поправился Эрик.

– Дер-ржи...

Локк, ничего не понимая, с готовностью протянул свою зажигалку.

– Спасибо, Локк, ты настоящий друг.

Наконец странная компания, которая все никак не двигалась с места, привлекла внимание работника кафе. Племянник Геваро пригляделся повнимательнее, и глаза его полез-

ли на лоб. Впрочем, он быстро взял себя в руки и скрылся за стойкой, через секунду появившись из-за нее с бейсбольной битой в руках.

– Пошли прочь отсюда, а то я полицию вызову! – прокричал он, выскочив наружу.

– Незачем, – четко произнес Эрик.

– Почему?

– Она сейчас сама приедет.

С этими словами Махов поджег смоченный крепкой водкой носовой платок и, замахнувшись, бросил бутылку «Коркшрева» в витрину.

Большое стекло лопнуло, пропуская внутрь горящий презент.

– А-а-а!!! – дико заверещал племянник мистера Геваро, наблюдая за тем, как наполовину полная бутылка разбивается о ближайший столик и практически все пространство занимает огнем. Вспыхнули скатерти...

Вот только полыхало все не так долго, как хотелось бы Махову. Всего каких-то десять секунд – и в ресторанчике, едва начавшем заполняться дымом, хлынул самый настоящий тропический ливень из форсунок автоматической системы пожаротушения, а из открытых дверей на тротуар полился целый поток воды.

– Жаль...

– Что же ты наделал, гад!

– Аккуратнее с девчонками будешь...

– Да она тупая стерва!

– Ну тем более... стоило ли мараться?

– А чего произошло-то? – спросил Бубба.

– И что теперь делать будешь? – спросил Ричард, самый трезвый из всех, едва удерживая Буббу от падения. – Ведь теперь в полицию загремишь...

И действительно, Эрик уже услышал звук сирен приближавшейся полиции и пожарных.

Из-за этой глупой выходки он попал в полицейскую картотеку, ведь висевшее над входом устройство «срисовало» его по всем параметрам. Не отмажешься.

– И правда, Эрик, как теперь быть-то? – спросил трезвющий Локк, обеспокоенно оглянувшись.

Сирены слышались уже отчетливо и даже виднелись отражения в окнах от полицейских маячков.

«А хрен его знает!» – со злостью подумал Махов, наблюдая за тем, как причитает над испорченным имуществом племянник мистера Геваро – Игнасис (Махов прочитал его имя на бейджике), то хватаясь за голову, то приседая на корточки.

По мере выветривания остатков алкоголя приходило понимание того, что ему светит отправиться уже не на далекий симпатичный Орхан, а в гораздо более близкий мир. На в крайней степени неприветливую Зону, населенную уродами внешними и моральными, с ее дикими нравами и первобытными законами – законами Силы. А он не ахти как силен,

если не сказать больше...

«А вот хрен вам!» – со злостью подумал Эрик.

– А вот хрен вам! – вслух повторил Махов, показав в видеокамеру неприличный жест. – Возьмите и выкусите, сволочи!

Полицейские машины уже показались из-за поворота. За ними выскочила пожарная карета.

– Догоните, сволочи!

Эрик подскочил к проезжей части, заставив опасно вильнуть машину, водитель которой не знал, как реагировать на подобные действия ненормального пешехода. Вдруг самоубийца с помощью него решил свести счеты с жизнью, а ему отдуваться.

Махов видел, как в прошлый раз «крысы» ловко орудовали с люками коллекторов. Он отжал ручку на себя и выдернул тяжелую крышку.

Машины находились уже в каких-то ста метрах, и Эрик полез в дышавший холодом, сыростью и вонью не пойми чего проем.

– Одумайся! – наконец сказал Самсон, до которого все наконец дошло. – Одумайся! Этот инцидент тебе простят, я в этом более чем уверен! Не делай еще больших глупостей, Эрик!

– Эрик! – заверещали остальные наперебой, поддерживая слова друга. – Не надо!

– Может, и не надо... – сказал Махов, действительно со-

мневаясь в том, стоит ли бежать, скрываться от полиции, ведь в этом случае ему действительно грозит самое худшее, что только можно придумать.

Но страх того, что ему не простят этого инцидента, ведь закон суров и редко когда позволяет себе поблажки, а также страх перед колониями, нежелание вообще куда бы то ни было лететь, ни на Орхан, ни тем более на Зону, сделало свое дело. Эрик с решимостью одержимого окончательно скрылся в коллекторе. Только слышалось эхо шлепков ног по лужам, когда он спустился на дно и побежал прочь.

Полицейские машины с визгом покрышек остановились вокруг открытого люка.

– Что тут случилось? – спросил выскочивший из машины сержант.

Его вопрос более истерично повторил только что появившийся хозяин заведения.

– Они, эти сволочи, подожгли ресторан! – ответил сразу полицейскому и своему дяде Игнасис, возмущенно махая руками.

– Брехня это! – завопил в ответ Бубба, угрожающе надвигаясь на Игнасиса, сжав в пудовые кулаки лопатообразные ладони.

– Спокойно... Вы утверждаете, что это сделали именно они? – переспросил полисмен, предостерегая Буббу от недобрых поступков. – Хочу предупредить, что заведомо ложное обвинение карается по закону. Ну так как?

– Ну не они конкретно... – смутился племенник Геваро. – А их дружок, тот гад, который только что скрылся под землей! Поймайте его! Поймайте!

– Сделаем все, что от нас зависит, – заверил его полицейский сержант и, чуть отойдя в сторонку, что-то забубнил в рацию. – А пока нужно составить протокол.

– Но он же уйдет!

– Слушай, я только сегодня новую форму надел, ты предлагаешь мне гоняться за ним по грязным трубам? – с угрозой спросил сержант, заглядывая в открытый люк, из которого несло холодной сыростью и неприятным запахом.

– Ну-у...

– Вот и я о том же. Для этого у нас есть специальные команды, вот пускай они и ловят его, это их работа. Кстати, они уже приступили. Никуда ему не деться...

Махов бежал, не разбирая дороги, распугивая единственных еще оставшихся на воле животных, при этом не являющихся вымирающим видом – крыс. Признаться, он уже жалел, что пустился в бега. Может, и вправду его бы простили? Ущерб он бы возместил, тем более что не такой уж он и большой, в крайнем случае, родители помогут, а так попытка к бегству является отягощающим поступком. Но даже и с таким криминальным багажом не все потеряно, если вернуться самостоятельно, а не пойманным и в наручниках.

«А вот хрен вам! – с неожиданной злостью подумал Эрик. – Я останусь на Земле, пусть в качестве „крысы“, но на Земле! А не сгнию в этой долбаной колонии от очередной лихорадки, что на Орхане, что на Зоне!»

Эрик остановился. Сначала он подумал, что ему показалось, но теперь он отчетливо расслышал размеренный топот ног, эхом доносившийся откуда-то сзади.

«Полиция!» – обожгла мозг правильная догадка, заставившая Эрика броситься вперед со всех ног.

Он бежал, спотыкался, падал, вставал, снова спотыкался и падал, но снова вставал и бежал. Страх попасться придавал ему скорости и выносливости.

Эрик уже и сам не знал, на что надеялся, пытаюсь убежать от полицейских команд, натренированных специально на та-

кие непривычные для простых людей условия, а он вообще впервые в жизни спустился в подземные коммуникации.

Но какое-то смешанное чувство страха, инстинкта самосохранения, жажды свободы и даже безысходности продолжало гнать его вперед, придавая сил. Наверное, так чувствовала себя сотни лет назад в естественных природных условиях жертва хищника. Она понимала, что уже не убежит, что спасения нет, но продолжала убегать, подгоняемая инстинктами и мощными выбросами адреналина.

Очередной раз обернувшись, Махов заметил за развилкой пляшущие лучики света от фонариков, висевших под стволами полицейских автоматов и на касках – погоня близка. Звук тяжелых полицейских ботинок говорил, что преследователи в ста, самое большее в ста пятидесяти метрах от него. Это конец.

Но Эрик продолжал бежать. Впрочем, это было бессмысленно – впереди также заплясали лучики света, а вскоре показались и сами спецназовцы, получившие неформальное название «крысоловы».

Эрик стоял на крестообразной развилке коллектора. Есть еще два пути отхода, но стоило только о них подумать, как и там появились все те же признаки полицейского присутствия.

– Обложили скоты... – задыхаясь, прошептал Махов, опершись на стенку.

От остановившейся группы «крысоловов» отошел, по

всей видимости, командир. Он поднял руку и сказал:

– Все кончено, парень. Лучше не дергайся, если не хочешь схлопотать пулю. Она хоть и резиновая, но если попадет по яйцам... сам понимаешь, один омлет получится.

Эрик после такого предупреждения невольно прикрыл причинное место руками.

«Вот и все, – безразлично подумал он. – Допрыгался...»

Вдруг наверху что-то гроыхнуло, да так сильно, что все невольно пригнулись, не только Эрик, но и полицейские.

«Это не авария и не взрыв, – невольно стал анализировать звук Махов. Наконец мозг выдал верную информацию: – Это гром».

Эрик снова посмотрел вверх. Прямо над ним шахта, уходящая на поверхность. Звук в трубе исказился, и именно поэтому он его так долго не мог опознать.

«Гром!» – с новыми радостными интонациями снова подумал Махов.

Гром мог означать только одно – сейчас пойдет сильный дождь. Ливень. Он, как правило, начинался сразу, без перехода, будто тучи терпели до самого последнего момента и, не сдержавшись, низвергали все до последней капли в короткий промежуток времени.

Так случилось и сейчас. Первые капли стали падать в дырочки люка и попадали на лицо Эрика, покотившись по щекам, точно слезы.

Эрик Махов снова посмотрел то на полицейского, то сно-

ва вверх, на люк над головой.

– Взять его... – приказал командир, которому надоело ждать реакции беглеца.

От отряда отделилась пара полицейских, один из них стал вытаскивать наручники.

Махов, не теряя ни секунды, рванул вверх по скользкой лестнице с проворством обезьяны.

– Стоять!

Стрелять не стали. Полицейские так плотно его окружили, что могли запросто попасть в друг друга, а это считалось последним делом, отбить боевому товарищу незащищенное бронезиловым мужское достоинство.

Эрик за какие-то три-четыре секунды достиг потолка и стал лихорадочно дергать и поворачивать ручки люка, не обращая внимания на угрожающие крики внизу.

– Спускайся, придурок! Немедленно!

Кто-то вздернул автомат кверху, и люк осветился тем же фонариком.

«Спасибо тебе», – мысленно поблагодарил Эрик полицейского, так как благодаря освещению он увидел и понял, почему люк не открывается.

Наконец люк шелкнул. Эрик поднатужился и, прокричав что-то нечленораздельное, выдавил его наружу спиной, а потом быстро выскочил на пешеходную дорожку, распугав вжавшихся в стены, прячущихся от дождя под короткими козырьками пешеходов, и помчался прочь.

Снизу прозвучали выстрелы, и в небо улетели шарики пластиковых пуль.

Впервые Махов радовался дождю. Плотный дождь закрывал его от объективов следящих камер, коими напичканы улицы на каждом шагу. Стоило им засечь внесенного в общую систему базы данных под обозначением «подозреваемый», они практически мгновенно передавали нужную информацию запрашивающим, в данном случае «крысоловам», а если это необходимо, то и ближайшему полицейскому патрулю.

Но не теперь, когда шел такой ливень, а значит, есть время скрыться. Главное не попасться на поверхности, да и задерживаться надолго не стоит, сейчас поток воды пойдет на спад.

Спецназовцы выскочили вслед за беглецом, но того уже и след простыл. Никакие оптические прицелы и электронные системы не могли пробиться сквозь такую водяную завесу. Видимость едва ли превышала три-четыре метра. Даже помощь прохожих, указавших направление бегства, ничем не могла помочь.

Наконец плотность дождя стала ослабевать, но и теперь система поиска не могла работать в полную силу, разве что подставиться непосредственно под объектив. Но Махов старался не допустить фатальной ошибки.

Командир «крысоловов» злобно сплюнул. Беглец исчез. Его обвел вокруг пальца настоящий лох – «хомяк», решив-

ший податься в «крысы». То, что тот под землей впервые, он определил сразу – и такой прокол. Обидно. Найти его теперь большая проблема, если он не проколется по глупости.

Можно, конечно, организовать полномасштабную облаву. Но кто на это пойдет – тратить столько усилий ради одного-единственного, теперь уже «крысеныша»? Смех один, да и только.

– Ладно, не переживай, – махнул рукой сержант.

– Да я и не переживаю, – снова сплюнул лейтенант. – Все равно потом отловим. Никуда он не денется. Не сегодня, так завтра.

– Вот именно...

Махов действительно, после спринтерской пробежки со сменой улиц, как только заметил, что дождь стал менее плотным, подскочил к ближайшему люку и снова скрылся в подземелье.

Здесь следящих камер, как он знал, не имелось, хотя ими долго и упорно пытались оснастить коллектор городские власти, но безуспешно. Их своими острыми зубами портили любопытные крысы, готовые жрать все что угодно.

Камеры ломали и «крысы» – те, что люди, – не желая, чтобы с помощью техники их отыскивали под землей так же быстро, как и на поверхности, и отправили на Зону.

В общем, камерам и прочим системам слежения под землей не место, там хозяйничали все виды крыс: и животные и люди, и повадки у них были схожи из-за одной и той же

среды обитания.

Эрик находился в коллекторе уже довольно долго, он шатался по нему без всякой цели и вскоре, во время одной из остановок, чтобы передохнуть, почувствовал, что хочет есть. Стоило только подумать о еде, как живот начал громко урчать, требуя заправки.

А что тут под землей можно съесть? Вот именно – ничего. По крайней мере ничего не знающему новичку.

Плохо то, что побег получился спонтанным. Обычно под землю спускались хоть как-то подготовившись, брали какие-то запасы провизии, одежду и инструменты. А он...

Эрик вздохнул. Голод начал его реально терзать. Ведь он даже почти не закусывал, так что в животе было пусто.

Его уже несколько раз так и подмывало выбраться наружу и банально сдать в руки правосудия, надеясь, что к нему проявят снисхождение и не отправят гнить на Зону. Шансы такого исхода все еще оставались, все-таки сдался сам – не поймали. Но страх, усиливавший упрямство, останавливал его, и Эрик, посмотрев вверх на круглый люк и сглотнув голодную слюну, продолжал идти дальше.

Вонь через шесть часов брожения стала гораздо сильнее той, где он начинал свой путь. Да и мутная жидкость после дождя здесь иногда доходила практически до колен. Всю грязь водные потоки снесли сюда.

«Вот только где я? – подумал Махов, осматриваясь. – Но впрочем, какая разница?»

Мысли о жратве становились все настойчивей. Голод начал усиливать усталость, тем более что он так много энергии потратил, убегая от полицейских. Ноги гудели. Хотелось сесть и отдохнуть. Только где тут присядешь? Грязь неимоверная.

«Ну что мне, крыс, что ли, жрать?!» – с каким-то отчаянием подумал Эрик. Хотелось уже плакать от жалости к себе, своей жестокой судьбе.

Вид неподалеку сидевшей и смотревшей на него желтыми бусинками глаз мокрой крысы был очень непрезентабельным.

«Может, прохожего ограбить насчет хавчика, банально отобрав бутерброд?» – подумал Махов, вспоминая, как на его глазах действовал подобный отряд «крыс», и взгляд его плавно перешел на обрезок какой-то арматуры, чего здесь валялось в избытке.

Но знакомый звук шагов заставил Эрика вжаться в грязную стену.

«Опять бежать...» – обреченно подумал он.

Эрик понимал, что второй раз от полиции ему, скорее всего, не уйти, второй раз они его не упустят, тем более что сил бегать у него просто нет. Свалится от усталости. Правда, можно сдать, но он в который раз непонятно почему отбросил эту идею.

«Инстинкт свободы», – определил непонятную ситуацию Эрик.

Шаги становились все ближе, снова знакомые, пляшущие по стенкам лучи фонариков, эхо голосов. Махов подхватил обрезок и из последних сил с шумом рванул прочь.

«Врешь, не возьмешь!» – с яростью, удивившей даже его самого, подумал Эрик.

Он едва не расшиб голову, но инстинкты оказались быстрее разума, и Махов пригнулся, спасая жизненно необходимую часть тела от встречи с обломанным бетонным блоком с опасно выглядывающей из него стальной арматурой.

На одном из ровных участков трубы он обернулся и понял, что его нагоняют. Стали даже слышны быстрые переговоры между загонщиками. Эрик снова почувствовал себя затравленным зверем, уходящим от стаи хищников.

– Стой, сволочь, а то хуже будет! – услышал Махов чей-то писклявый голос. Он еще подумал, что какой-то это странный полицейский, да и полицейский ли это?

Но додумать ему не дали. Чей-то сильный удар в живот остановил его. Эрик рухнул в вонючую жижу как подкошенный.

– Добегался, тварь!

Чьи-то руки приподняли его и с силой встряхнули за шкуру.

– Чей ты?!

«Странно, вообще-то обычно спрашивают „кто ты“», – вя-

ло подумал Эрик.

– Чей ты?! – снова спросили его, но теперь не встряхнув, а больно ударив ногой в живот.

– Вообще-то я думал, что незнакомого человека спрашивают: кто ты, а не чей ты, – все же высказал свое мнение Махов.

По всей видимости, такой ответ несколько ошарашил преследователей, и пленника грубо перевернули на спину. Эрик увидел хмурое лицо парня примерно того же возраста, как и он сам, может, года на три-четыре старше. Столь же хмурые глаза внимательно его разглядывали.

«Главарь», – сразу определил Эрик.

– Кажись, «хомяк», решивший отрастить хвост и стать «крысой», – наконец выдал обладатель писклявого голоса, стоявший за спиной остальных шести человек.

– Точно... – согласился главарь и спросил пленника: – Выиграл в «Лотерею»?

– Да... – ответил Эрик.

– Что ж, парень, это нам всем хорошо знакомо. Все через это прошли... Снимай одежду.

– З-зачем?

– Извращенцы мы! – засмеялся один из группы. – Любим мужской стриптиз смотреть за неимением женского!

«Крысы» дружно заржали, но потом главный оборвал смех, снова потребовав:

– Снимай и не дергайся.

Пришлось подчиниться.

Впрочем, он сразу догадался, что раздеться его попросили не из извращенческих помыслов. Одежду тщательно прощупали, сбили каблуки с ботинок. Осмотрели все тело, прощупывая подозрительные места.

– Рот открой...

В рот посветили фонариком, разве что пальцем не залезли.

– Вроде чист. Разве что в совсем уж интересных местах смотреть...

Главарь, повертев в руках часы, бросил их под ноги и раздавил ударом ноги.

– Одевайся и пошли с нами. Позже мы решим, что с тобой делать.

– Или предпочтешь остаться?

– Н-нет... я с вами.

Махов оделся и, чувствуя себя не в своей тарелке, зашагал посреди группы, три человека спереди и трое сзади. Его это несколько удивило, но потом он подумал, что у «крыс» свои причуды. «Крысы» несли с собой небольшие мешки, в которых явно что-то болталось.

«Может, еда?» – подумал Эрик, и живот снова сдавило от острой боли.

Но просить он не стал, чувствуя, что это будет не слишком правильно.

Вскоре группа с пленником пришла в какой-то особо су-

хой участок и еще через минуту все оказались в натуральном убежище – комнату четыре на четыре метра. Здесь сидело еще пять человек.

– Ну наконец-то, а то мы думали, что вас уже повязали. Что так долго? – встретил их недовольным голосом парень под два метра ростом, с короткой стрижкой и со шрамом на левой щеке. – А кого это вы привели, а? – спросил он, увидев незнакомца.

– Из-за него и задержались. Пришлось погоняться... Прыткий очень.

– Чей он? Шульц, зачем вы его сюда привели?!

– Успокойся, Григ, он пока ничей – новичок. Потому и привели. Но это нужно проверить...

Шульц – так звали главаря – дернул Эрика к себе и выставил перед остальными членами банды.

– Кто-нибудь его знает или видел?

Пять человек подозрительно, со всем вниманием осмотрели Махова. Каждый из них дал отрицательный ответ.

– Значит, действительно новичок.

– А вдруг он «крот»? – не унимался Григ.

– Все может быть...

То, как на него посмотрел Шульц, Эрику очень не понравилось.

«Будут бить», – отстраненно подумал он и оказался прав.

Махова повалили на бетон и принялись пинать ногами. Били больно, что-то кричали, но иногда все прекращалось,

и Шульц спрашивал:

– Кто тебя послал?

– Никто меня не посылал, – всхлипывая, отвечал Эрик, размазывая кровь по лицу.

Он не понимал, почему его бьют и что означает это слово. «крот», хотя смутно догадывался. Проверяли опять же явно на «жучки».

Избиение продолжалось, во время него Григ да и остальные кричали примерно одно и то же:

– Сознавайся, тварь, тебе же лучше будет, кто послал?! На кого работаешь?!

И в том же духе.

Избиение наконец прекратилось. К забившемуся в угол Махову подошел Шульц, в его руках заточенным лезвием сверкнул нож. Приставив его к горлу замершего Эрика, главарь сказал:

– Лучше сразу скажи, от кого ты, или я тебя убью. Скажешь – отпущу...

– Вы что-то путаете, – прохрипел в ответ Эрик, чувствуя, как острие ножа коснулось горла, что даже глотнуть опасался.

– Ответ неправильный.

Шульц сделал широкий замах и начал опускать нож на свою жертву. Эрик закричал, защищаясь руками от удара.

– Да ни от кого я, черт бы вас побрал!!!

– Чист, – сказал Шульц, отходя от чуть не обделавшегося

Махова.

Остальные согласно кивнули головами и разошлись по своим углам, словно ничего особенного и не произошло.

– Да что, черт возьми, происходит-то, объяснит мне кто-нибудь? За что вы меня чуть не убили и что означает этот долбаный «крот»?! – выпалил Эрик, почувствовав, что гроза миновала.

Он начинал медленно понимать, что ему устроили довольно жестокую проверку. Радовало во всем этом то, что он ее, по всей вероятности, прошел.

– Извини, парень... Как тебя зовут-то хоть?

– Эрик... Махов.

– Извини, Эрик, что помяли тебя немного, – снова извинился Шульц, вот только нот раскаяния Эрик в его голосе не уловил. – Все очень просто, мы тебя проверяли...

– Это я понял... вот только на предмет чего?

– «Крот» ты или нет.

Видя, что парень пока из-за пережитого шока не понимает, главарь терпеливо пояснил:

– «Крот» означает, что человек является полицейским агентом. Такой вот агент внедряется в «стаю» «крыс» и ее однажды ночью тихо накрывают. Уже несколько групп вот так пропало. Так исчезли группы Сломанного Клыка, Большого Носа, другие... впрочем, я вижу, что тебе эти имена ни о чем не говорят. Но это неважно. Теперь мы в каждом новичке видим «крота».

– Понятно. Это многое объясняет... – вздохнул Эрик, ощупывая бока, там все болело, но вроде ничего не сломано.

– Можешь считать это перерождением или посвящением в «крысы».

Эрик только хмыкнул, ощупывая распухшую губу.

– И как мне теперь быть?

– Решать тебе... – пожал плечами Шульц. – Можешь отправиться в свободное плавание и со временем, если раньше не попадешься копам или другим «крысам», стать «призраком»... впрочем, ты не выживешь в одиночку. Не приспособлен. Пока. Тебе тем более не жить, если встретишься с другим «призраком», что случится вероятнее всего. Но «крысы» «призраков» не любят, впрочем, как и чужих «крыс» на своей территории, за коего мы тебя поначалу и приняли.

– А-а... теперь я понял, почему вы спрашивали «чей ты».

– Ну да. Так вот, «призраков» немного, они довольно быстро умирают, либо от голода, либо вот так, как чуть было тебя не пришили. Но есть и такие, в нашем районе пара таких шастает, с которыми даже крупным стаям лучше не связываться, это настоящие машины для убийства, людоеды. Но ты на такого крутого «призрака» не потянешь.

– Не потяну, – сник Эрик, тем более что человечину ему точно жрать не улыбалось.

– Сначала их звали отшельниками, поскольку были довольно безобидными и сами никого не трогали, но потом с

ними словно что-то стало происходить, и они становились все злее, все сильнее и скоро их стали опасаться.

– И как мне быть? – снова спросил Эрик, чувствуя, что уже боится этих «призраков».

– Я предлагаю тебе остаться с нами.

– И что в этом случае от меня требуется?

– Быстро схватываешь, парень, далеко пойдешь, – засмеялся Шульц, ему поддакнули остальные. – В данном случае с тебя взять нечего... Все твои платежные карточки заблокированы, так что ты их можешь смело выбросить. Будешь выходить с нами на охоту – и все будет тип-топ. Позже мы познакомим тебя с необходимыми правилами выживания, без которых тут никак, и все дела. А теперь давай поедим, а то разболтались, как на митинге...

В животе Эрика больно кольнуло и заурчало, да так громко, что это услышали почти все члены банды и засмеялись.

– Держи, Живот.

Шульц вытащил из своей сумки пластиковый брикет, в котором оказалась нарезанная колбаса, спертая «крысами» из какого-то магазина, и бросил его Эрику. Следом за колбасой прилетели кусок хлеба и маленькая пачка яблочного сока.

– Это все... – сказал Шульц.

Эрик тут же набросился на еду.

– Спасибо, – поблагодарил Махов с набитым ртом. – А что ты имел в виду под «животом»?

– Кликуху твою... И не глотай комками. Еды мало, се-

годня охота получилась на редкость неудачной, копы, мать их... так что нужно тщательно пережевывать пищу, чтобы она полностью усвоилась. Это одно из важнейших правил выживания.

– Понял, – кивнул Эрик и стал тщательнее пережевывать откусанный кусок бутерброда, хотя давалось ему это с трудом.

12

Правил оказалось не так уж и много, по крайней мере их удалось легко запомнить. Они гласили: не ходить по одному; не высовываться наружу ближе чем за два квартала от места стоянки; не заходить на чужую территорию, а если уж очень нужно и обходными путями не пройти, то всеми возможными способами оповестить о своих намерениях хозяев территории.

– А как узнать, что ты уже на чужой территории, а не на своей? – спросил Эрик.

– По меткам.

– Каким?

– Ну например, наша территория обозначается кругом с включенным в него крестом. Все остальные – другие стаи. Обычно два знака соседствуют друг с другом, четко определяя границу владений. Но есть и нейтральные зоны.

– А как предупреждать других, что тебе нужно пройти по чужой территории?

– Вообще-то это не приветствуется в любом случае. Есть нейтральные коллекторы. Но если нет другого пути, и очень нужно, то следует идти, громко стучая по стенке коллектора каким-нибудь обрезком трубы, чтобы тебя заранее услышали.

– Понятно.

– Ладно, пора спать, – сказал Табун, увидев суровый взгляд Шульца. – Завтра много дел.

Кто-то убавил свет фонарика до минимума, но не выключая его насовсем.

Спать на каких-то вонючих тряпках было, мягко говоря, некомфортно. Казалось, здесь вывелась не одна тысяча крыс. Но, поворочавшись пару часов, Эрик кое-как заснул.

– Подъем!

Махов вскочил как ужаленный, спросонья продирая глаза. Зашевелились и остальные.

– Шулец, ты чего разорался? – спросил громоздкий парень со сломанным носом, прозванный из-за этого Ломоносом.

– Забыли, сволочи, что нам сегодня за покупками? Или вы решили посидеть на подножном корме?

– Каком корме? – тихо спросил Эрик у уже собравшегося в поход Табуна.

– На жареных крысах...

– Фу...

– Ну не так уж и плохо, – пожал плечами Табун. – Дело привычки...

– Живот, ты тоже идешь с нами.

– Понял, Шулец.

– Собирайтесь-собирайтесь, нам надо успеть выйти на исходную до того, как откроют магазины.

Спорить, зачем идти в такую рань, с вожаком никто не стал. Все просто привели себя в порядок и стали двигаться в сторону выхода.

– Пошли...

Эрик и не предполагал, что канализация настолько огромна. Под землей раскинулся самый настоящий город со своими улицами и даже дорогами, с многочисленными мелкими ответвлениями. Здесь пролегало полно всяких труб самого разного диаметра в зависимости от назначения. Он почему-то сразу понял, для чего предназначена самая толстая труба из всех. Хотя догадаться не так уж и трудно – запашок от нее шел явно не ресторанный.

Стая ненадолго заглянула в одно из таких ответвлений. Как оказалось, здесь находился один из множества тайников стаи Шульца. Из замаскированной дыры в стене главарь достал изрядно заношенный комплект пластиковых доспехов, такой, каким пользуются игроки в жестких видах спорта вроде регби, и отдал его Махову.

– Надень. Это, в случае чего, неплохо защитит от ударов и даже от пластиковой пули. Ну и в драке выручает...

Эрик не стал спорить и тут же стал облачаться в защитную амуницию. Надел предложенный шлем, усиленный сверху стальными полосами.

– А вы?

– А у нас уже все на нас, только под одеждой! – усмехнулся Табун, приподняв полу своей бесформенной хламиды, из-

под которой действительно виднелся схожий доспех. – Ты что, не заметил?

– Нет... А шлемы?

– Шлемы в мешках пока.

И действительно, только сейчас Эрик обнаружил, что в мешках за спинами «крыс» что-то есть.

Когда Эрик облачился в доспех, главарь дал ему стальной прут с обмотанной изолентой рукоятью, который он засунул за пояс, как все остальные «крысы». Также у «крыс» из вооружения имелись рогатки, но вот рогатки как раз Махову не дали. Видимо, ее нужно делать самому или просто лишней не оказалось в этом тайнике. У многих, если не у всех, болтались ножи. Ножом Эрика тоже обделили.

– Ладно, идем дальше, – махнул рукой Шульц, решив, что новый боец в его стае облачен как полагается и полностью готов к труду и обороне.

Стая шла по одному из каналов уже целый час. Эрик все время искал какие-то знаки, но так и не отыскал ни одного.

– А где те символы, о которых ты мне рассказывал, обозначающие границы?

– Это нейтральная территория, – пояснил Табун. – По ней может ходить всякий...

Впереди показался свет, и Шульц быстро увел своих людей в один из боковых проходов.

– Кто там? – тихо спросил Эрик.

– Не ясно.

– Полиция?

– Может, и «крысоловы», но это вряд ли... Скорее всего, какие-нибудь техники.

– Тс-с... – зашипел Шульц.

Махов с Табуном замолкли. Послышался гудящий шум, и мимо с громким лязгом проехал электрокар с тремя рабочими на борту. Табун оказался прав.

– Пошли дальше.

Наконец главарь решил, что дальше идти смысла нет, прошел в один из ближайших тоннелей и остановился под вертикальной шахтой, ведущей на поверхность.

– Пришли.

«Крысы» надели свои шлемы.

– Работаем по стандартной схеме. Ломонос, остаешься на приеме.

Шульц стал смотреть на часы.

– Что он делает?

– Наверное, пришли рановато и магазин еще не открыт.

– Слушай, а почему Ломонос остался? – удивился Эрик. – Он такой громила, что смог бы с десятков полицейских раскидать одной левой, да и охране не поздоровилось бы.

– Именно поэтому и не идет. Тут в паре кварталов орудует другая стая. Если они нас заметят, то могут решить поживиться за наш счет. Тогда все наши труды пропадут зря. А так, как ты верно заметил, Ломонос их раскидает одной левой.

– Умно.

– Такова жизнь. А если еще точнее, то тупые и слабые долго не живут.

Время подошло к назначенному часу, и Шульц уже в который раз сказал:

– Пошли.

Первым, как и полагается командиру, надев шапочку с дырками для глаз, носа и рта, полез Шульц, за ним все остальные.

– Не отставать! – крикнул Шульц и выдал люк наружу.

Все быстро заработали руками и ногами, выбираясь наверх. Выскочил и Эрик Махов с так же наглухо закрытым лицом. Дневной свет после сумрака подземелий его ослепил, и он не знал, куда нужно двигаться. Выручил Табун. Он схватил Эрика за руку и потащил за собой, по пути предупредив:

– Бери только мясное, но такое, что не требует дополнительной готовки, а из жидкости – соки. Ничего диетического. Понял?

– Да.

– Далеко не убегай, а то можешь не услышать часового, и тогда тебя прихватят полицейские. И внутри будь поаккуратней.

– Понял.

– Хорошо. А теперь вперед!

Эрик уже мог видеть и увидел он разбегавшихся в страхе немногочисленных прохожих да столь же малочисленных покупателей, решивших запастись продуктами с утра пораньше.

Магазин оказался большим супермаркетом. Выскочив-

шую навстречу «крысам» охрану вырубил электрошоковыми дубинками, которые «крысы» прихватили с собой как раз для этого случая, отобранными у таких же охранников в прошлых набегах в других магазинах.

Эрик бегал по рядам, заставленным продукцией. Глаза прямо-таки разбегались. Наконец он нашел нужный прилавок и начал сгребать в мешок, который ему выдали еще на стоянке, все подряд.

В мешок летели пластиковые брикеты с уже нарезанной колбасой, такой же, какой его угощали после избиения, или своеобразного посвящения в «крысы»; копченое мясо, даже несколько банок с консервированной рыбой и еще бог знает что там попадалось под руку.

Остальные «крысы» также набивали мешки съестными припасами. Кто-то, не выдержав, рвал полиэтиленовую пленку руками, засовывал куски еды в рот прямо здесь и, жадно жуя, продолжал обворовывать магазин.

За всем этим Эрик не заметил, как у него за спиной оказался один из охранников.

– Стой, паразит! – крикнул он.

Махов только успел развернуться на звук, как почувствовал, что ему по руке ударили дубинкой и все тело сотрясло от электрического разряда. Мешок выпал из онемевшей руки, а вслед за ним повалился и сам Эрик.

– Будешь знать, как воровать, крысеныш!

Охранник схватил Эрика за шиворот и потащил в глубь

магазина. Это заметил Табун. Он метнулся на выручку новому товарищу и, схватив с прилавка банку с говяжьей тушенкой, бросил ее в охранника. Бросок получился меткий, банка ударила охраннику точно в лоб. Отчего тот буквально отлетел назад, раскинув руки в стороны.

Табун подхватил Махова под руку.

– Вставай!

– Сейчас...

Эрик с трудом разогнулся и, подхватив сумку, при помощи Табуна двинулся к выходу.

– Давай-давай... Живот, я же говорил: будь внимательней.

– Да...

– Шухер!!! – зазвучало снаружи.

– Прибавь ходу, Живот!

Остальные «крысы» метнулись прочь из магазина. Они понимали, что любое промедление смерти подобно.

– Ну что вы там тащитесь?! – кричал Шульц, призывно махая рукой. – Поторопитесь!

«Крысы» побросали свои мешки в коллектор, где их принял Ломонос, и стали спускаться сами с нечеловеческой быстротой, поразившей Эрика еще тогда, когда он впервые увидел «крыс» в деле.

Сам он такой скоростью похвастаться не мог, особенно сейчас, когда его приложил дубинкой особо ретивый охранник магазина. Впрочем, Эрику стало значительно лучше, и он уже смог самостоятельно стоять на ногах.

– Пошел!

Шульц озабоченно оглянулся. Звук полицейских сирен стал невыносимым, он не был громким, просто очень близким и оттого опасным. Хорошо, если простые копы, а если сразу «крысоловы» пожаловали?

Стало очевидным, что стая очень задержалась, и все из-за него – Живота.

Эрик, кряхтя, полез в люк вслед за спрыгнувшим Табуном. Он заметил, как тот брался руками, как ставил по внешней стороне лестницы ноги и просто соскользнул вниз. Махов сделал так же. Он чуть не свалился вниз, как мешок с картошкой, но все же удержался и довольно быстро спустился к остальным.

Сверху, задраив крышку люка, появился Шульц.

– Уматываем!

Все похватали свои мешки и драпанули вслед за вожаком. На бегу Эрик окончательно пришел в норму и уже никого не задерживал, двигаясь в ритме со всеми.

– Чуть не накрыли... фараоны, – отдышавшись, поведал Табун. – Еще чуть-чуть – и все – суши сухари в дорогу дальнюю...

Шульц вводил свою стаю по новому пути. Казалось, он знал эти лабиринты как свои пять пальцев.

– Тихо! – свистящим шепотом сказал Шульц, подняв вверх руку со сжатыми в кулак пальцами, и все замерли на своих местах.

«Спецназовец хренов...» – подумал Эрик.

Эрик вслушался в тишину, но ничего не услышал, кроме своего сипловатого дыхания – так долго и быстро ему еще не приходилось бегать, разве что вчера от «крысоловов». А вот вожак, да и прочие члены «стаи», как заметил Махов, дышали ровно, будто после легкой пробежки.

– Чисто... – сказал он.

Может, и «чисто», но, как стало ясно даже Эрику, Шульц решил перестраховаться и пошел в новую галерею.

– Шульц, там начинается территория банды Сиволапого, – напомнил командиру Григ. – С ним трудно иметь дело...

– Я знаю... Но впереди неясное что-то... Я аж чешусь весь.

Эта фраза у Грига, в отличие от Махова, который подумал, что командиру не мешало бы помыться, впрочем, как и всем остальным, не вызвала насмешки. Он даже наоборот стал еще более серьезным. Кажется, этот признак известен всем в стае и, как видно, уже показывал свои результаты, оберегая «крыс» от неприятностей.

– «Крысоловы»?

– Я говорю: неясно. Но там лучше не появляться. Засыплюсь...

Григ безропотно двинулся вслед за Шульцем.

«Ну натуральные крысы! – восхищенно подумал Эрик Махов. – Прямо-таки звериное чутье!»

– Знак Сиволапого... – вдруг сказал Табун, показав на на-

стенный рисунок.

Эрик увидел треугольник с какой-то нарисованной через трафарет крысиной излишне когтистой лапой.

«Может, потому с ним так трудно иметь дело? – подумал он, вспоминая слова Грига. – Такой агрессивный знак».

Шульц достал короткую металлическую трубу и, соблюдая неписанный кодекс поведения «крыс», стал ею постукивать по бетонной стенке коллектора, продвигаясь при этом вперед.

– Авось пронесет... – сказал Табун.

Впрочем, Эрик не услышал особой уверенности в его голосе.

Впереди замаячили лучики света. Эрик, как и остальные «крысы», напрягся. Шульц перестал стучать. Там впереди мог оказаться кто угодно, от «крысоловов» до неуравновешенного Сиволапого со своими людьми.

Появились последние, и по выражению лица Табуна Эрик понял, что неизвестно, что лучше – они или полицейский спецназ.

– Здорово, Сиволапый, – поздоровался Шульц.

– Здорово, коли не шутишь. Какими судьбами? Решил заглянуть на огонек?

Сиволапый рассмеялся, и его смех подхватили остальные члены стаи в количестве восемнадцати человек, и что-то говорило Махову, что это далеко не все люди Сиволапого. Большая стая.

– Если бы так... – сказал Шульц, пропуская мимо ушей реплику вожака конкурирующей стаи. – Мне нужно пройти

по твоей территории до семьдесят второго коллектора.

– Хм-м... Хорошо, но это будет стоить тебе пяти мешков.

Махов быстро подсчитал количество мешков, их оказалось ровно по числу «крыс» – двенадцать.

– Один мешок, Сиволапый, это общепринятая плата. Ты сам это не хуже меня знаешь, – не сдавался Шульц, который не собирался так легко отдавать почти половину добычи, которую они получили с большим риском для собственной свободы.

– Пять мешков, Шульц. Ты подставил нас, выйдя на охоту в моем районе...

– Это нейтральная территория.

– Но ближе к моей земле, чем к твоей.

– Хорошо, Сиволапый, я отдам два мешка в качестве компенсации.

– Пять, Шульц. Или поворачивай обратно, но по моей территории ты не пройдешь.

«С ним действительно трудно иметь дело, – удостоверился в словах Грига Махов. – Хоть бы на компромисс в три мешка пошел, что ли? Так ведь нет, заладил: пять мешков, пять мешков...»

Выражение лица Сиволапого стало злым, даже жестоким.

– Так не пойдет... – сказал Шульц. – Мы уходим. Пошли, ребята.

– Ты никуда не уйдешь, пока не заплатишь, – сменил линию поведения Сиволапый, он не собирался так просто рас-

ставаться с халявной добычей.

Люди Сиволапого достали обрезки труб – любимое оружие всех «крыс». В одно мгновение аналогичным оружием вооружились и их противники.

За рогатками даже никто не потянулся. Один выстрел – и противник тебя достанет. Ножи тоже никто не вынул. Лишнее смертоубийство «крысам» ни к чему. От ножей, помимо трупов, еще слишком много тяжелораненых, не бросать же их, значит, нужно ухаживать.

– Так мы ни к чему не придем, Сиволапый...

Но тот остался глух к доводам разума и скомандовал своим людям:

– Гаси их!

– Черт! – невольно выкрикнул Эрик.

Началась кошмарная потасовка, восемнадцать человек против двенадцати. Но преимущество банды Сиволапого, лично в драке не участвовавшего, было далеко не очевидно, ведь среди их противников числился Ломонос, превосходивший любую «крысу» на одну-две головы, не говоря уже о размере в плечах.

Он перехватывал занесенную на него руку с оружием и мощным ударом в челюсть валил противников в нокаут.

У остальных дела шли не так хорошо. Кто-то из людей Шульца уже получил обрезком по руке, верный перелом, если бы не пластиковый наручник, но даже он не мог компенсировать всю силу удара, и потому боец валялся в сторон-

ке, что-то дико крича. В остальном шла относительно равная борьба. «Крысы» Сиволапого давили числом, а люди Шульца брали умением и силой Ломоноса.

Нашелся противник и для Эрика. Кто-то налетел на него с обрезком трубы, быстро им размахивая и нанося стремительные удары. Махов и сам не понял, как сумел отбиться от этих ударов своей арматуриной, при этом защищаясь мешком как щитом и непрерывно отступая. К таким боям чуть ли не насмерть он готов не был.

Видя, что дело складывается не в его пользу (Ломонос уже повалил шестерых, а скольких он еще положит?), Сиволапый достал из-под куртки пистолет и выстрелил в одного из людей Шульца.

Звук выстрела заставил всех замереть на своих местах, так как он произвел эффект разорвавшейся бомбы, и эхо еще долго гуляло по галереям подземелья.

Держась за живот, упал боец по кличке Крикун. Только сейчас он не кричал, лишь ловил воздух ртом, как выброшенная на берег рыба.

– Пошли вон отсюда! – подбирая один из ближайших к себе мешков, сказал Сиволапый, махая стволом. – Это моя территория и я не пускаю вас!

– Уходим... – прошептал Шулец, поднимая на пару с Табуном раненого Крикуна, корчившегося на полу в грязи.

К счастью для Крикуна, пистолет у Сиволапого оказался травматическим, хоть он его и переделал под стрельбу не

пластиковыми, а стальными шариками, но пластиковая броня поглотила большую часть ударной энергии.

Если можно так выразиться, то все обошлось. Их не поймали «крысоловы» – Шульц все же умудрился провести своих людей мимо полицейских патрулей, которые после каждого грабежа «крысами» магазина буквально-таки толпами бродили по трубам коллектора, выискивая воров.

Уже на стоянке все стали осматривать боевые ранения.

Никто не получил очень уж серьезных травм. Ломонос схлопотал пару ударов, но это для него, как для слона дробина. Сам Шульц отделался касательным ударом по плечу.

Крикун обошелся огромной гематомой на животе. Еще один боец получил прутом по руке в области предплечья, но перелома не было, максимум, что он мог заработать, так это трещину в кости, но это уже не так страшно, как перелом.

Табун и остальные заработали резаные раны, кто лица, кто рук, кто тела через разодранные куртки, а кто-то и все вместе.

Только лишь Эрик Махов остался вообще без повреждений.

– А ты что это, Живот, убежал, что ли, а? – подозрительно спросил Григ, смачивая водкой из неприкосновенного запаса рану на ноге и морщась от боли.

– Нет. Я не убежал...

Эрик почувствовал себя неудобно, ведь все получили боевые раны, а он остался совершенно целехонек. Даже как-то

обидно...

– А тогда почему такой чистенький?

– Отстань от него, Григ, – вступился за Махова Табун. – Я видел, как он едва не словил прут от одного урода. И потом, что ты хочешь от него, он у нас всего ничего, еще не успел выучить наших приемов, но мы его поднатаскаем.

На этом наезды на Махова со стороны Грига прекратились.

«И чего это он на меня так ополчился? – обиделся Эрик Махов. – Что я ему сделал?»

К вечеру все зализали свои раны. Вот только Крикун был все еще плох. Он бредил, его трясло, бедняга весь покрылся крупной испариной. Его закутали тряпками и положили в сторонке.

«Как бы концы не откинул... – забеспокоился Махов. – Вдруг у него внутреннее кровотечение какое открылось?»

– Живот, Куль, – подозвал к себе Шульц наименее пострадавших бойцов.

– Что, Шульц? – спросил Куль. У него налился синяк под глазом, отчего глаз сильно заплыл. Но второй в полном порядке, и этого достаточно.

– Пойдете сегодня в ночное дежурство на дальний рубеж.

– Зачем?

– Затем, что мы сегодня сильно пострадали. Сиволапый чокнутый, он может собрать всех своих людей и двинуть к нам. Наше местонахождение он примерно знает... как и мы

его. Встанете на северной трубе и будете бдеть.

– Понятно.

– Дежурить будете посменно. Один два часа бдит, другой спит и наоборот. Вот возьмите часы.

Шульц снял часы и отдал их Махову.

– Не забудь вернуть, – пошутил он напоследок.

– Конечно, босс.

– В следующем набеге прихвати себе чего-нибудь. Без часов плохо. Все, идите. Куль тебе объяснит все, что будет непонятно. И не вздумайте заснуть сразу оба... Я могу прийти проверить, и если что не так, то кара будет жестокой. А теперь валите на пост...

15

Куль шел впереди, слегка переваливаясь из стороны в сторону, как пингвин, словно между ног ему что-то очень сильно мешало. Наконец он остановился и, показав на небольшое возвышение, сказал:

– Здесь.

– Здесь будет наш пост?

– Да.

Готовить пост не требовалось, все и так готово. Лишь только разложили подушки, набитые тряпьем, чтобы мягче сидеть.

– Что грустный такой? – спросил Куль, устраиваясь поудобнее, готовясь заснуть первым по праву бывалого, ну и раненого.

– Скучаю... – признался Эрик Махов.

– Уже успел соскучиться?!

– Конечно.

– Чего же тебе не хватает?

– Дома... Самых обычных вещей...

– Это каких?

– Телевизора... чистой постели... Да мало ли о чем еще может скучать человек, буквально оторванный от привычного мира?

– Я тоже скучал. Но это быстро пройдет. Можешь мне по-

верить, – авторитетно заявил Куль. – Ведь если подумать, то ты ничего особо не потерял. Вот телевизор, например. Что ты по нему смотрел с утра до ночи?

Эрик невольно задумался, с ходу пытаясь припомнить любимые передачи, но что-то не получилось. Когда над тобой висит дамоклов меч возможности выиграть в «Лотерею» с последующей отправкой в колонию, мало что становится интересным. Да и успокоительные таблетки, которые он принимал, чтобы не сойти с ума от тягостного ожидания, подавляли его интерес к чему-либо.

– Вот-вот, – усмехнулся напарник, так и не дождавшись ответа. – Ничего. По долбоящику идет всякая муть: шоу, сериалы, еще дерьмо всякое, что заставляет тебя переключать каналы один за другим, не задерживаясь ни на одном дольше трех секунд. И так целый день переключаешь эти двести каналов, час успеет пройти, пока ты прогонишь их от первого до последнего. А потом опять заново. Так что ты потерял?

– Наверное, не так много, – признал Махов правоту Куля. – Но все же иногда попадалось что-то интересное.

– Может, и так, но по сравнению с общим валом это ничтожно малая потеря.

– Куль, а если придут люди Сиволапого, что мы должны делать?

– Предупредить остальных.

– Ну это понятно... Допустим, мы предупредили... но нас ведь наверняка меньше... раза в два.

– В три. В банде Сиволапого тридцать четыре человека. Одна из самых больших стай, если не самая большая в нашем городе. Потому и обитает в центре. Сволочь.

– Тем более. Что мы можем им противопоставить. Они нас задавят числом, если возникнет еще одна такая махаловка на прутьях. Ломонос даже не поможет.

– Не поможет, – согласился Куль. – Но в трубах коллектора количество не имеет такого значения.

– То есть?

– Если они придут, то мы их встретим еще на расстоянии.

– Как так? Обвал им, что ли, устройте?

– При чем тут обвал? Обстреляем...

– Чем? У нас же нет оружия!

– Рогатками.

Куль достал свою рогатку, зарядил в резину подшипник и, прицелившись в темноту, сделал выстрел. Раздался крысиный визг, и в воду с тихим плеском упала тушка животного.

– Здорово! – искренне восхитился Эрик мастерством Куля, который даже с подбитым «рабочим» глазом смог сделать снайперский выстрел и подстрелить крысу в сумраке.

– Вот так. Простенько, но со вкусом, а главное – без шума. Не то что этот козел Сиволапый с пушкой... Кстати, убойная сила рогатки мало чем уступает пистолетной пластиковой пуле. В отдельных случаях даже превосходит, а при определенном мастерстве – гораздо точнее, что иногда важнее.

– Я тоже такую же рогатку хочу!

– Сделаем. И нож дадим.

– Хорошо. Куль?..

– Что еще?

– Я не заметил девушек... или это только у нас с ними напряг?

Куль тяжело вздохнул. Эрик понял, что затронул болезную тему, на которую говорить не принято. Своеобразное табу.

– Нет, девочки большая редкость в подземелье. Не бегут они. Да и что их тут ждет? Толпа грязных мужиков, охочих до женского тела. Большинство делают выбор в пользу колонии... А те, что есть, это либо крутые амазонки, которые яйца оторвут любому, кто на них свой отросток поднять посмеет, либо такие опустившиеся существа, на которых отросток уже сам не поднимается. Есть и относительно нормальные, но они, как правило, уже за кем-то закреплены, вроде вещи, так что чужое руками не тронь – отрежут.

– Понятно.

– А теперь заступаем на дежурство. Только чур я сплю первым, а то у меня что-то голова шумит, уж больно хорошо меня сегодня двинули...

С этими словами Куль демонстративно завалился на бок и, еще немного подвигавшись, устраиваясь поудобнее, затих.

– Да мне без разницы...

Махов прислонился к стене и стал смотреть вперед. Правда, там мало что можно было увидеть: уходящая вдаль труба коллектора с бегущим куда-то тихо журчащим ручьем воды

в специальном углублении и перебегающими крысами. Полоса светящейся в темноте краски, нанесенная на потолке, давала не так уж много света, как хотелось бы.

Шло время и ничего не происходило. Слух обострился до предела. Махов прекрасно слышал ровное сопение Куля, шум падающих капель воды, какой-то шорох, но это крысы.

Вдруг он услышал впереди какой-то шум. Аж вздрогнул. В порыве подозрительности Эрик хотел было разбудить своего напарника. Ему уже чудились чьи-то шаги, и воображение рисовало целую толпу пришедших разобраться с небольшой стаей Шульца людей Сиволапого. Но, поняв в чем дело, делать этого не стал.

Просто крысы, убедившись, что их собрат, подстреленный Кулем из рогатки, действительно мертв, стали его жадно растерзывать на части. Потому издавали много шума, а войдя в раж, так и вообще визжать начали, да так громко, что даже спящий Куль что-то недовольно заворчал во сне.

Время на дежурстве текло медленно. Эрик то и дело поглядывал на циферблат, ему казалось, что прошло уже полчаса, а то и весь час, но за это время успевало пройти не больше двух-трех минут. Наконец, он кое-как сумел отстраниться от мыслей о времени и просто уставился вперед, глядя на прыгавших то тут, то там крыс, думая о своем.

Очень хотелось домой. Нормально поесть, а главное – помыться. Посмотреть какой-нибудь фильм, пусть даже тупой и с жуткой игрой актеров, сходить с друзьями в бар и вы-

пить пива. Но потом он вспомнил, что в любом случае сии маленькие радости жизни не выполнимы, так как он вот уже второй или уже третий день (Эрик не знал, сколько уже прошло времени в суточном исчислении) должен был париться на распределительном пункте в медицинском блоке, проходя предполетную подготовку, где его бы накачали различными вакцинами, посмотрели бы за реакцией организма, подлечили бы, если что-то пошло бы не так, и после всех процедур отправили бы на космодром. На корабле его уложили бы спать на долгие десять лет в «морозилку», и проснулся бы он уже на Орхане, в сотнях световых лет от Земли. Но с Земли он никуда улетать не собирался. Ни за что.

Вскоре все думы были передуманы, и Эрик незаметно для самого себя стал засыпать. Поехав по стенке, Махов встретился и пришел в себя, обругав себя последними словами. Попадать впросак на первом же дежурстве не хотелось. Шульц производил впечатление серьезного человека, и если уж он обещал наказать, то...

Глаза заметили что-то подозрительное. Махову показалось, что впереди, там, у развилки мелькнула чья-то тень. Эрик напряг зрение, но это не помогло, только пошли какие-то цветные круги.

«Показалось», – подумал он и снова посмотрел на часы, включив внутреннюю подсветку. Выходило, что два часа его бдения наконец-то подошли к концу. Что его порадовало. Спать хотелось невыносимо.

– Куль, вставай...

Махов затряс напарника за плечо. Тот что-то недовольно забурчал.

– Вставай, Куль, твоя смена.

– Встаю-встаю...

– Выспался?

– А ты как думаешь?

– Думаю, что нет.

– Правильно думаешь.

Куль наконец встал, сходил к каналу с водой и справил малую нужду.

– Твоя очередь.

Эрик кивнул и пополз к лежанке. Но вот какая вещь, только что он чуть не заснул на посту, а стоило лечь, чтобы наконец заснуть, как сон словно рукой сняло.

– Куль...

– Чего, Живот?

– А почему у Шульца клички нет?

– Тебе что, спросить больше нечего?

– Не-а...

– Шульц – это и есть его кличка.

– Не очень стандартная для кличек... Почему его так называли?

– Наверное, так... Просто он очень похож на нашего мэра... Шульца Ломарсона.

– А он часом не его...

– Вряд ли. Неужели ты думаешь, что папаша не обеспечил бы будущее своему сынку и не оградил бы от «Лотереи»?

– И правда...

– Спи давай. Твое время пошло. Не трать его на треп. Поблажек не дам.

– Хорошо.

Но бог сна, по всей видимости, был над Эриком сейчас не властен или просто смеялся над ним. Махов снова посмотрел на подозрительное место.

– Куль... – зашептал Эрик.

– Чего?

– Я вроде бы что-то вижу...

– Где? – сразу же напрягся Куль.

– Там... видишь, где светящаяся краска на потолке облупилась. Вроде как силуэт чей-то прямо под этим местом... в стену вжался.

– Ничего не вижу. У меня глаз заплывший. Наверное, нет периферического зрения. Или, что вероятнее всего, там никого нет.

– Ты не напрягайся и не ищи целенаправленно. Просто уставься в одну точку и смотри на нее...

Куль так и сделал.

– Черт... – ругнулся он глухо через полминуты созерцания.

– Увидел?

– Угу...

– Как быть? Бежать?

– Не надо.

Куль встал и взял свою рогатку в руки.

– «Призрак»! – закричал он, но не от страха, а обращаясь к этому самому «призраку». – Я вижу тебя! Уходи!

Куль вложил метательный снаряд в рогатку и натянул резину.

Махов напряженно ждал, что предпримет в ответ «призрак». Но тот, видимо, решил разойтись миром. Он отделился от стены, с которой буквально сливался из-за бесформенного балахона, мимолетно посмотрел на «крыс» и буквально уплыл прочь в перекрестную трубу.

Куль сел и разложил свое оружие по карманам.

– А вдруг он вернется? – спросил Эрик, намекая на поспешность действий напарника.

– Не вернется. А вообще-то нам с тобой серьезно повезло.

– Что ты имеешь в виду? – холодея, спросил Эрик. Он уже понял, что хотел сказать Куль.

– А то, что ты мог не проснуться, – подтвердил мысли Эрика напарник. – «Призрак» дождался бы, пока я не начну клевать носом, подобрался бы и искромсал нас по-тихому, а потом и всю нашу стаю. И спокойно поживился бы нашей добычей.

– Ужас...

– И как эти твари все узнают? Стоит какой-то стае ослабеть, как сегодня нашей, и они тут как тут... Ладно, спи, а

то я, кажется, перепугал тебя.

– Да, после такого действительно трудновато будет уснуть, – согласился Махов.

– Не бери в голову...

Сзади послышался шум, и дозорные «крысы» вскочили как ужаленные. Эрик подумал, что это «призрак» вернулся, но нет, это оказался Шульц с обещанной проверкой.

– Не спите? – сказал он. – Это хорошо, а то задал бы я вам жару...

Куль и Махов одновременно шумно с облегчением выдохнули.

– Чего так? – заметил беспорядок Шульц. – Не наказания же вы так испугались?..

– «Призрак» приходил... – ответил Куль. – Живот его за-сек. Глазастый.

– Вот тварь, и как они все узнают? – задался вопросом Шульц, который только что мучил Куля. – Стоит только ослабеть... Ну да ладно, раз вы живы, значит, он ушел и в ближайшее время не вернется. Дежурьте дальше...

Шульц ушел, и напарники продолжили дежурство. А что им еще оставалось делать?

Сиволапый в своем логове долго приходил в себя после встречи со стаей Шульца. Несмотря на численный перевес, его группа стояла на грани поражения. Конечно, у Шульца есть такой громила по кличке Ломонос (действительно сломавший пару носов его бойцам в этой схватке), но все же, все же... это серьезный удар по репутации его стаи, по его личной репутации как вожака уже внутри стаи.

«Как же все надоело», – мысленно ворчал Сиволапый, оглядывая бойцов, потрошивших единственный доставшийся им после схватки мешок с добычей. Хотя что-то удалось урвать, а то вообще бы импичмент объявили с предъявлением черной метки.

Проскочила нехорошая мысль, что он мог бы получить и в два раза больше, ведь предлагал же Шулец компенсацию, и без драки. Этот момент тоже повлияет на репутацию не лучшим образом.

– Пять лет... пять чертовых лет я живу в этом крысином дерьме... А сколько протяну еще?

Сиволапый вдруг осознал, что он, тридцатиоднолетний, является одним из самых старых в стае. Да, он приобрел немалый опыт, потому и вот уже как два года вожак самой крупной стаи в городе.

«А где другие?» – спросил он себя.

Ответ не заставил себя долго искать. Все остальные оказались слишком старыми для жизни под землей. Люди под землей без должного медицинского ухода, недоедания, болезней стареют значительно быстрее тех, кто живет на поверхности, имея все блага цивилизации.

Старость не радость. Старикам уже не хватает скорости, выносливости, резвости и, как следствие, они попадают в во время охоты, не могут достаточно быстро бегать от «крысоловов» по тоннелям, погибают в стычках, таких, как сегодняшняя.

Конечно, молодость заменяет опыт, но он спасает немногих.

Лишь «призраки» доживают до настоящей старости в пятьдесят-шестьдесят лет. Они настоящие мастера выживания и маскировки, их просто невозможно обнаружить. Потому, собственно, их и прозвали призраками. Потом и они быстро дряхлеют и умирают, зачастую кончая с собой, чтобы не страдать от голода.

«Значит, и мне грозит скорая поимка... и отправка на Зону», – осознал простую истину Сиволапый.

Это понимание заставило Сиволапого испытать нехорошее чувство обреченности, так что его бросило в жар, а потом в холод, что он аж поежился.

– Нет... меня не взять... не взять! – яростно зашептал он.

– Что, босс? – повернулся к нему ближайший подручный по кличке Пестун, не очень умный, но надежный и предан-

ный помощник. По крайней мере, от него не стоит ждать какого-то хитрого подвоха и ножа в спину.

– Ничего... дай соку.

– Держи.

Сиволапый промочил горло ананасовым соком, и ему стало чуточку полегче. У него появилась идея, как обмануть судьбу и не попасть в клетку с последующей отправкой на Зону.

– Дай и мне... – попросила деваха, доставшаяся Сиволапому по наследству от предыдущего вожака.

Сиволапый поморщился и отдал остатки сока. Девка не в лучшей кондиции, но других нет, а на безрыбье и рак – рыба. Конечно, если выпить, то вообще лебедем станет, но злоупотреблять спиртным «крысам» не рекомендуется. Не успеют убежать в случае облавы. Многие так попались «крысоловам» пьяными в зюю.

– Эй, братва! – привлек Сиволапый к себе внимание своих людей.

Шушукавшиеся «крысы» замерли и обратили взоры на своего вожака.

– Что, босс?

– Скольких достойных бойцов мы потеряли за последний год?

«Крысы» немало удивились подобному вопросу, о чем свидетельствовали взлетевшие на лоб брови большинства.

– Много... семерых, – сказал кто-то.

– Восьмерых, босс, – дал точный ответ Пестун.

– Восьмерых, – подтвердил Сиволапый. – А скольких мы потеряем еще? Скольких поймают проклятые «крысоловы» и отправят на Зону?!

«Крысы» недоуменно переглянулись между собой, не понимая, что это с их боссом сегодня творится. Уж не расклеился ли он со всем сопутствующим набором последствий?

– Ты это к чему, босс? – нахмурившись, наконец спросил вожака боец по кличке Боров.

– Я это к тому, что нас рано или поздно ждет одна и та же судьба.

– Это понятно, босс... но к чему ты об этом заговорил? Я что-то не догоняю...

– К тому, что я, кажется, знаю, как нам избежать подобной участи.

– Как?! – загалдели со всех сторон «крысы» и даже придвинулись поближе к вожаку, чтобы не пропустить ни одного его слова.

– Мы должны стать силой. Реальной силой, такой, чтобы «крысоловы» и думать не смели спускаться под землю в наши владения!

– Да!

– Верно! – поддержали его «крысы».

– Для этого мы должны объединиться. Стать одной большой стаей, Стаей с большой буквы, с единым вожаком – «крысиным» королем. Сейчас под землей множество ма-

леньких стаек, которая каждая сама за себя, и «крысоловы» гоняют нас как хотят. Да еще мы между собой то и дело махаемся, играя этим только на руку нашему врагу, ослабляя друг друга... Это неправильно. Мы как одинокие прутики развязанного веника, и «крысоловы» ломают нас одного за другим. Если мы объединимся, то уже сами можем ломать сунувшихся к нам «крысоловов»!

Снова «крысы» поддержали своего вожака согласными криками. Будущее теперь виделось им всем в гораздо более приятном свете.

«Крысам» так понравилась идея объединения стай, что они даже не видели возможных отрицательных моментов такого развития событий. Сам Сиволапый минусы своего плана различал, но в данном случае плюсов было больше, и главный из них тот, что именно он станет тем самым «крысиным» королем, будет сидеть в самом безопасном месте подземелья под защитой рядовых «крыс» и в случае чего всегда успеет унести ноги. А это самое главное. «Крысоловы» до него не никогда дотянутся, и он не отправится на Зону и будет жить на Земле в свое удовольствие еще очень и очень долго.

А жить он будет действительно в свое удовольствие, потому что как только он окажется в безопасности, ему не составит труда обеспечить свой быт приятными мелочами, которых лишен сейчас.

«И даже... женщиной, – совсем уже размечтался Сивола-

пый. – Настоящей чистой женщиной, а не этой грязной подстилкой».

Женщину вдруг захотелось так сильно, в полную силу разыгрались эротические фантазии, что Сиволапому даже пришлось сменить позу, чтобы кое-что, выросшее между ног и начавшее давить на штаны, не выдало его настроения и желаний. Его «королева» могла понять это неправильно и начать приставать, а ее он сейчас хотел меньше всего.

«Ничего, скоро у меня все будет, – подумал он. – Совсем скоро...»

Прошло несколько дней. Все это время с утра до ночи «крысы» усиленно занимались с Эриком рукопашным боем, в жестком полуконтакте вбивая в него все приемы, что постигли сами своим потом и кровью и получили от уже канувших в Лету «крыс», в свою очередь бывших их наставниками. Волей-неволей Махову приходилось быстро учиться, потому как каждый урок добавлял ему синяков, ссадин и порезов. Никто его не жалел, и если Эрик плохо усваивал однажды данный урок, не мог отбить удар, то каждый последующий пропущенный тычок становился более предыдущего.

– Ты не должен обижаться на нас, – говорил Махову Шульц, проведя очередной болезненный прием с подсечкой, когда Эрик в сердцах что-то обидчиво пробормотал. – От того как хорошо мы тебя выучим и как быстро ты все усвоишь, зависит то, как долго ты проживешь под землей. В стае все друг от друга зависят: ты от нас, мы от тебя. И если ты окажешься слабым звеном, туго придется всей стае. Ты понимаешь это?

– Да...

– Это хорошо, потому что нам не нужны слабые звенья. Если ты в кратчайшие сроки не достигнешь кондиции, мы сам прогоним тебя. Лучше мы будем меньше, но крепче, чем больше, но рыхлее. Усек?

– Усек.

– Тогда продолжим...

Через неделю добытые в прошлом налете запасы еды, несмотря на тщательную экономию, начали подходить к концу, и следовало решать: переходить «крысам» на подножный корм или же идти на новую охоту. Но с последним дела обстояли плохо. Набеги «крыс» на магазины в последнее время участились, и «крысоловы» буквально так и сновали то тут, то там, иной раз проходя в опасной близости от стоянки стаи.

Посоветовавшись, все решили, что лучше еще некоторое время переждать, пока все не уляжется.

«Крысы» пошли охотиться на крыс.

Махову сделать рогатку так и не успели, и он получил от Шульца оружие все еще находящегося в плохом состоянии Крикуна.

– Ему она сейчас все равно не нужна, – сказал вожак. – А ты пока потренируешься...

Эрик охотился в паре с Табуном. Они зашли в совсем уж вонючие галереи канализации, где крыс просто видимо-невидимо. Они вообще не обращали никакого внимания на людей, передвигаясь с места на место по своим делам.

«Крысы» этим не преминули воспользоваться. Первым, как более опытный, стрелял Табун. Он натянул резину, зажмурил левый глаз и выстрелил. Раздался легкий щелчок с присвистом – и тут же запищала особенно крупная крыса. Табун подскочил к ней в одну секунду и добил ее прутом.

– Промахнулся...

– Почему? Ты же попал.

– В идеале крыса должна издыхать. А эта столько шуму наделала, что все разбежались.

Эрик оглянулся. Крысы не то чтобы разбежались, но, со смертью сородича почувствовав в людях угрозу, теперь старались держаться от них подальше. Все-таки, что ни говори, а крысы умные животные.

– Давай ты.

– Сейчас.

Махов сделал все, как его учили. Вложил подшипник, сделал захват, натянул, прицелился и отпустил. Метательный снаряд ударился в полуметре от намеченной цели, чуть не задев соседнюю крысу.

– Ну-у... уже гораздо лучше.

– Спасибо, – усмехнулся Эрик и пошел подбирать снаряд. Метательные подшипники ценились высоко, и разбрасываться ими не стоило.

Сделал свой выстрел Табун – и снова работа оказалась не чистой. Крыса громко пищала, и ее снова пришлось добивать.

– Что-то у меня с глазомером прямо беда после той драки, – пожаловался Табун, цепляя очередную крысу к своему поясу. – Целюсь в голову, а попадаю черт-те куда.

– Пройдет.

– Думаешь?

– Уверен.

– Ладно, пойдем дальше. Сегодня нам еще минимум восемь штук подбить надо.

Охота продолжилась и закончилась только когда норматив был выполнен, на что ушло два часа. Крысы буквально шарахались от людей, стоило им только завидеть «крыс».

К концу охоты отличился Эрик. Ему наконец-то удалось подстрелить одну крысу, что вызвало у него бурю восторга и снисходительное покачивание головой Табуна.

Охота оказалась самой приятной и легкой частью работы. От дальнейших обязанностей Эрик буквально воротил нос. Ведь нужно еще освежевать эти тушки, и ладно бы только той крысы, что подстрелил он сам, но эти обязанности в стае были распределены по-честному, и ему следовало содрать шкуру и выпотрошить внутренности у пяти крысиных тушек.

– Что морщишься? – спросил Табун.

Он ловко подсекал ножом кожу, делал надрез вдоль живота (так, чтобы не вывалились кишки) и лапок и одним движением сдирал шкурку.

Махов ничего ответить не мог, у него в горле стоял ком, и чувствовалось, что еще немного – и его просто-напросто вырвет.

– Противно, – наконец признался Эрик.

– Ничего, привыкнешь. Давай ты.

Эрик старался сделать все так, как делал его напарник, но

опыта явно не хватало, и он то протыкал шкуру, то резал слишком глубоко и все заливало кровью, то рвал шкуру, когда стягивал ее с тушки, то вспарывал крысе брюхо и оттуда вываливались внутренности.

Но и эта работа вскоре осталась позади.

– Теперь осталось самое неприятное, – предупредил Табун, но Эрик уже и сам понял, что нужно было сделать. – Вытащить внутренности.

– И как это сделать? – напрягаясь, спросил Махов, предчувствуя, что ответ ему, мягко говоря, не понравится.

Ожидание его не обмануло.

– Как-как, руками... – ответил Табун и в подтверждение своих слов разрезал крысе брюхо и начал одной рукой вытягивать кишки, а другой, с ножом, их отрезать.

– Я на ми... нут... ку, – вскакивая, предупредил Махов.

– Далеко не уходи...

Табун лишь усмехнулся, услышав специфические звуки опорожнения внутренностей не с той стороны.

Махов, утершись, вернулся на место.

– В норме?

– Не совсем...

– Значит, в норме. Давай.

Внутренности оказались все еще теплыми, склизкими. Преодолевая в себе отвращение, Эрик их вынул и стал отрезать, стоявший в воздухе специфический запах буквально сводил Махова с ума. Но наконец тушки промыли в воде, и

охотники двинулись к стоянке.

– И что теперь с ними делать? – спросил Эрик, все еще не веря, что это можно есть.

– Сейчас зажарим и съедим, – просто ответил Табун.

– А на чем жарить? У нас же ничего нет.

– На огне. Насадим на прутики – и все дела.

– Будете разводить костер?

– Нет. Слишком заметно, хотя было бы недурно. В угольках... м-м... пальчики оближешь.

Махов дернулся от нового рвотного позыва, и Табун, не удержавшись, засмеялся.

– Нет, не на костре, – отсмеявшись, сказал он. – Там неподалеку есть газовая труба, туда кто-то еще до нас врезал самодельный вентиль... зажжем газ и поджарим на огне.

Табун с Эриком пришли одними из последних. На том самом вентиле уже горел огонь, и несколько человек уже жарили свою добычу, держа ее наколотой на пруты, медленно поворачивая для равномерной готовности.

Те, кто приготовил, уже уплетали мясо за обе щеки.

– Табун, как такое можно есть?

– А что такого?

– Но это же крыса!

– Ну и что? Ты же ел говядину, свинину, другое животное мясо. Крыса такое же животное...

– Ну не знаю...

– Просто все дело в стереотипах.

– Как так?

– Просто нам, да и мы сами вдолбили себе в голову, что крыса – это отвратительное животное, нечистое и все такое прочее. А между тем оно практически ничем не отличается от других тварей Божьих, и, следовательно, ее можно есть.

– Но я слышал, что они заразные, переносят всякую инфекцию и вирусы...

– Переносят... – согласился Табун. – Но на себе, потому и руки мыли особенно тщательно. А мясо оно что, такое же, как у всех. Но если привередничаешь, то пожарь подольше.

Махов не нашелся, что возразить.

Через полчаса ожидания подошла и их с Табуном очередь жарить своих крыс. Эрик делал все, как его напарник, и когда тот сказал, что готово, он осторожно попробовал мясо на вкус.

«Мясо как мясо, – сделал вывод Эрик и принялся его поедать с таким же азартом, как и остальные „крысы“. – Может, разве что соли да приправ не хватает вроде перчика да укропчика...»

Прошла еще неделя, и от вида крыс Эрика уже начинало мутить, но теперь по другой причине, а не от омерзения при потрошении. Жутко хотелось нормальной еды, но добыть ее все еще не представлялось возможным. Полицейские патрули так и шастали по коллекторам, выискивая «крыс».

Махов вот уже несколько раз слышал возглас дозорных: «Шухер!», и каждый раз после этого стая снималась с насыщенного места и уходила в совсем уж глухие места, на самодельных носилках унося с собой раненого Крикуна, который до сих пор не мог передвигаться самостоятельно.

Да и на охоте «крысы», бывало, сталкивались с «крысоловами» почти нос к носу, но стая пока обходилась без потерь, и ее члены уходили всеми возможными способами, разбегаясь кто куда, заскакивая в самые труднопроходимые и узкие трубы.

Махов с Табуном сами однажды, будучи на охоте, чуть не попались полиции.

– Живот! – шипяще позвал Табун Эрика, который собирался подстрелить очередную крысу.

В последнее время он так наловчился, что теперь уже мало чем уступал остальным членам стаи в снайперских качествах.

– Чего? Ты мне обед спугнул...

– Лучше обойтись без крысиного обеда, чем отведать тот же обед, но в виде тюремной баланды.

– В смысле?

– «Крысоловы» рядом.

Эрик подполз к Табуну и посмотрел туда, куда указал ему напарник. Там до боли знакомо маячили лучики света полицейских фонариков.

«Крысы» замерли на своих местах, наблюдая за тем, как мимо проходит группа полицейского патруля. Махов весь съежился и чуть не вскрикнул и не выдал себя и напарника, но удержался.

По спине ползла наглая крыса. Эрик чувствовал эти переступающие по позвоночнику лапки, но не шевелился, чтобы никак не выдать себя даже тогда, когда почувствовал, как голую шею защекотали усики грызуна и влажный нос. Того и гляди на зуб попробует...

Махов остался невозмутим, тем более что «крысолов» остановился и подозрительно огляделся, посмотрев в ту самую дыру в трубе, где прятались Эрик с Табуном.

Напарники инстинктивно пригнулись и остались незамеченными.

Когда полицейские отошли достаточно далеко, Эрик наконец-то встрепенулся, с проклятиями сбрасывая с себя любопытную крысу. Та с визгом убежала прочь.

– Что-то они долго шастают... – грустно сказал Табун. – Раньше они никогда дольше недели на ушах не стояли, а уже

третья пошла.

– Может, одна из стай как-то перегнула палку во время набега на какой-нибудь магазин?

– Все может быть, и не удивлюсь, если в этом виновны люди Сиволапого. Что-то уж больно много он мнить о себе стал.

– Вот уж действительно...

– Ладно, пошли дальше охотиться.

– Пошли. Мне не терпится подстрелить ту тварь, что по спине у меня, как по бульвару, гуляла!

– Как же ты ее узнаешь? – со смехом спросил Табун. – Они ж все одинаковые!

– Узнаю... будь уверен, – убежденно ответил Эрик, целясь из уже своей собственной рогатки в очередную крысу.

Охота подошла к концу, и у каждого на поясе висело по пять крысиных тушек. Теперь их надо быстро освежевать. Для чего они отправились на более сухое место, не такое, как здесь, где повсюду грязная вонючая вода.

– Твою мать... – прошептал Табун, поворачивая в очередной перекресток.

– Чтоб их... – поддакнул Эрик со смесью разочарования, досады и страха.

Прямо перед ними в десяти-пятнадцати шагах находились «крысоловы». Фонарики у них были отключены и двигались они в темноте, ориентируясь при помощи очков ночного видения.

«Наверное, их новая тактика, – пронеслась в голове Эрика мысль. – Сначала идут с фонариками, обозначив себя, а потом возвращаются вот так, с ночниками».

Казалось, что и полицейские были не готовы к тому, что прямо перед ними, словно из-под земли, быстро возникнет парочка «крыс».

«Крысы» сориентировались первыми.

– Живот, шухер! – выкрикнул Табун.

– Стоять!!!

Но напарники уже рванули назад, на ходу отстегивая ремни с добычей, чтобы ничего не мешало бегу, ведь вес одной крысы достигал полкилограмма. И каково, если их на поясе целых пять штук?

– Направо! – указывал Табун направление движения. –
Налево!

И так несколько раз. Полицейские бежали очень резво, но, видимо, их что-то сковывало. Может быть, численность, а может быть, тяжелая амуниция и боязнь свалиться в воду, поскользнувшись на скользком от какой-то слизи бетоне. Как бы то ни было, они не успевали. А когда приближались достаточно близко, то открывали огонь из своих автоматов с электрическими пулями, генерирующих при ударе разряд тока, способный свалить лошадь, не то что человека. Но «крысы» успевали проскочить в очередной поворот, и вспышки голубоватого света сверкали у них за спинами.

– Налево! – в очередной раз крикнул Табун, и Эрик бы-

ло повиновался, но напарник вдруг толкнул его в противоположную сторону.

Эта уловка дала еще несколько драгоценных секунд, прежде чем полицейские поняли, что купились на направляющий крик «крысы», оказавшийся обманным.

– Куда мы бежим?

– Здесь будет технологическая труба, в ней мы сможем оторваться!

Напарники пробежали еще метров сто.

– Давай сюда! – Табун открыл какую-то крышку в стенке.

– Сюда?! – не поверил Эрик. – Да мы ж тут не пролезем!

– Пролезем! Давай, не время спорить!

Эрик, понимая, что делать нечего, полез в трубу. Она оказалась такой узкой, что в самом широком месте зазор оставался настолько мал, что между плечом и стенкой едва прошел бы кулак, а ведь еще здесь проходили различные кабели, которые и без того усложняли продвижение – того и гляди запутаешься.

– Получите, твари! – услышал Эрик голос Табуна и понял, что тот отстреливается из рогатки.

– Табун!

– Уже иду...

И действительно напарник полез в трубу, а в нее с гулким звуком ударились несколько пуль. Табун даже умудрился закрыть крышку, Эрику только оставалось гадать, как он это сделал.

– Пошевеливай задницей, Живот! А то они сейчас наши сидишные части тела в отбивную превратят!

Эрик заработал конечностями быстрее.

– Сейчас налево!

– Точно налево, а не как прошлый раз?

– Точно!

Махов свернул налево, вслед за ним прополз Табун. В начале трубы послышался скрежет, и Эрик понял, что полицейские открыли хитроумно забаррикадированную Табуном крышку трубы. В ту же секунду застучали выстрелы, и по трубе пронеслись рикошетившие пули, которые так и не достигли цели. Разрушаясь, они вырабатывали электрический разряд, который всполохами голубого света освещал внутреннее пространство.

– Оторвались...

– Точно? – не поверил Эрик.

– Точно. Но если будем и дальше сидеть, то они нам все выходы перекроют.

– Тогда чего мы сидим?

– Вот и я спрашиваю... чего сидим?

– Понял.

И Махов пополз дальше.

Напарники вернулись без добычи, но голодными не остались. С ними по-братски поделились другие «крысы», выслушав красочную историю Табуна. Все знали, что все, что он говорит, нужно делить на шестнадцать, но верили, тем более что рядом сидел второй непосредственный участник погони, который с небольшими корректировками, но подтвердил рассказ.

Прошло еще полнедели, и активность «крысоловов» заметно пошла на убыль. В галереях по всему городу не досчитались четырех десятков стай в полном составе. И почти половина потеряла от одного до пяти своих членов. В общем, «крысоловы» поохотились на славу, отловив от семисот до тысячи «крыс».

– Наверное, план по отлову за отчетный период выполнили и успокоились, – высказал, по мнению Эрика, здравую мысль Табун.

Они пришли в старую часть города делать для Эрика нож. Каждая «крыса» имела при себе нож. Они были самых разных размеров и форм. Считалось хорошим тоном сделать это оружие самому, да и украсть его в каком-нибудь оружейном магазине не так уж и просто, а точнее сказать: невозможно. Вот и Махову пришлось делать себе нож самому. Хотя почему не пользоваться столовыми? Их-то украсть гораздо про-

ще. Но столовыми ножами «крысы» не пользовались.

Для этого Табун отвел его в тайник, где лежали различные инструменты, от отверток до рашпилей и пилок по металлу.

– Бери пилку, напильник и карандаш, – распорядился Табун.

– Зачем?

– Пилой будешь отрезать себе нужный кусок, а напильником – затачивать кромку лезвия.

– А карандаш зачем?

– Рисовать...

Табун привел его к стальной двери, от которой осталось только название – один ободок. Видимо, делать из нее ножи приходили не один десяток раз.

– Вот нормальный кусок. Начинай. И еще...

– Что?

– Не сломай пилку, а то...

– А то что?

– Шульц рассердится... Потом придется тебе новую воровать, а это непросто. Ладно, пили.

Пилить оказалось неудобно, поскольку стальной кусок ему достался над головой, но он умудрился его отрезать и, что удивительно, не сломать при этом драгоценный инструмент.

– Молодец. А теперь затачивай.

– Хорошо.

Эрик весь вспотел, но прежде чем затачивать, следовало

еще очертить сам профиль будущего ножа и отрезать очень уж большие остатки пилкой, что он и сделал, всецело полагаясь на советы бывалого напарника.

Через четыре часа работа осталась позади, и Табун взвесил на ладони получившийся нож, проверяя его балансировку.

– Ну что ж, в целом неплохо. Теперь только ручку обмотать надо – и все дела.

Махов посмотрел на свои ладони, они все покрылись мозолями.

– Пройдет.

Теперь у него появился свой нож, и это как бы подтверждало его статус полноценной «крысы».

– «Крысы», у меня для вас хорошая новость, – сказал однажды торжественным голосом Шульц.

– Это какая же?

– Завтра мы идем на охоту в город.

Стая радостно загомонила. Крысиное мясо хоть и питательно и его всегда в достатке, но оно уже так приелось, что нестерпимо хотелось нормальной еды. К тому же питаться одним мясом вредно. Все страдали запором.

«Наконец-то!» – облегченно воскликнул Эрик. У него, как и у всех прочих, едва не лопались глаза от натуги, когда он ходил в туалет.

По такому случаю Махов на ночь съел совсем немного мя-

са, лишь только для того, чтобы живот его не доставал, и он смог бы нормально уснуть, не мучаясь от голодных колик.

– Подъем, лентяи! – скомандовал утром Шульц, и для Эрика сегодня этот побудный возглас вожака стаи прозвучал все равно что музыка. – Нам нужно пройти семь кварталов.

«Глядишь, до вечера доберемся», – прикинул расстояние Эрик.

– Чего сморщился, Живот? – заметил недовольную гримасу Эрика Шульц.

– А поближе никак нельзя? – спросил Махов.

– Все можно, – кивнул предводитель. – Особенно если хочешь попасться «крысоловам», так что я бы не советовал.

– Понятно.

– Хвост, остаешься с Крикуном.

– Понял.

Состояние Крикуна за прошедшие дни только ухудшилось. Он уже не бредил, просто лежал у стены, не подавая признаков жизни, и уже мало кто надеялся, что он выживет. Хотя никто не понимал, что с ним происходит. Все считали, что после такого ранения он уже должен был бы давно поправиться. Но, видимо, у него и вправду имелось кровотечение. О больнице даже никто не заикался. Хотя так оно, может, было бы лучше. Лучше уж больница с последующей высылкой на Зону, чем смерть в коллекторе.

– Еще вопросы есть? Тогда выдвигаемся.

Махов ошибся. До нужного люка стая добралась к трем часам дня. Несколько раз ушедшие вперед разведчики прибежали обратно, что могло означать только одно: впереди «крысоловы», и стае приходилось идти обходным путем. Однажды они прошли по чужой территории, но так и не встретили ее хозяев – «крысоловы» сработали чисто.

– Приготовились...

Шульц надел шапочку, поверх шлем и пополз наверх, чтобы выдавить люк. Остальные повторили его действия, и вскоре все оказались на улице.

Снова визжащие и разбегающиеся прохожие, скрип автомобильных тормозов. При этом Махов испытал какое-то чувство глубокого удовлетворения, но спроси его: в связи с чем оно возникло? Эрик ответить внятно не смог бы. Может, от ощущения силы, которую представляла собой стая? И оттого что их боятся жалкие «хомяки»?

Глупо...

Магазины защищались от воров всеми возможными способами, но от такого наглого налета «крыс» до сих пор так и не нашли защиты.

Вперед привычно ломанулись «ледоколы», или те «крысы», в чью задачу входила нейтрализация охраны. Их нападение было настолько стремительно, что никто из охраны

так и не смог выхватить свои пистолеты. Но без рукопашной заварушки на резиновых электрошоковых дубинках не обошлось, но и из нее «крысы» вышли победителями. На полу, распластавшись, валялось пятеро охранников и две «крысы», коих то и дело сводило судорогами.

– Живот, Табун, помогите им!

Напарники резко свернули в указанном направлении. Махов уже знал несколько приемов, как привести в чувство пораженного электрическим разрядом, и вместе с остальными оставшимися невредимыми «ледоколами» они привели друзей в норму.

Боевая группа ушла назад, уводя к спасительному люку пострадавших и потому сейчас бесполезных товарищей, а напарники вернулись к своим обязанностям – к грабежу.

Эрик уже привычно набивал свою сумку продуктами, сейчас отдавая предпочтение фруктам и овощам, когда отвлекся на крик отбивавшейся от «крысы» женщины, не собиравшейся так просто уступить свою сумочку.

– Ма?

Эрик подскочил к «крысе», но в маске он не узнал, кто это был.

– Отвали от нее! – сказал он, отталкивая «крысу» от своей матери.

– Ты чего?

– Ничего, это моя мать.

– И что? Ты знаешь закон «крыс», Живот, – прошлой жиз-

ни нет, мы сами по себе.

– Знаю, и тем не менее – отстань.

Закон выживания был прост и ясен. Подавшись в «крысы», следовало оборвать все связи с внешним миром, теперь стая твоя семья и никто более. Закон такой суровый потому, что любая связь с внешним миром одного члена могла привести к гибели всей стаи. Это проверено временем.

– Ладно, Живот, будь сейчас по-твоему, – отступил «крыса», решив что разберется потом, сейчас и без этого дел много, а времени мало и становится все меньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.